

18+ НА КРУТИ
СВОЯ...

Последний
воин

АНДРЕЙ ШУПОВ

Андрей Щупов

На круги своя...

«Издательские решения»

Щупов А.

На круги своя... / А. Щупов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518332-3

Книга «На круги своя...» продолжает непростую сагу о злоключениях Аркана. Теперь кроме бандитских кругов за ним охотятся спецслужбы. Неожиданно обнаруживается, что беглец обладает редким заболеванием: он — гиперкинетик. Именно это свойство позволяет ему в буквальном смысле сжимать время и становиться неуязвимым. Коллеги по «Кандагару» также не забывают товарища и помогают Аркану спрятаться в таежном поселке у знакомого егеря. Именно там Аркан, наконец-то, встречает свою судьбу...

ISBN 978-5-00-518332-3

© Щупов А.
© Издательские решения

Содержание

НА КРУГИ СВОЯ...	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

На круги своя...

Андрей Щупов

© Андрей Щупов, 2020

ISBN 978-5-0051-8332-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НА КРУГИ СВОЯ...

«Мира не ждут, мир завоевывают».

И. В. Сталин

Глава 1

Маленькая кружка кваса стоила три копейки, большая, полулитровая, – шесть. От кваса шибало хлебом и редькой, граненые кружки ласкали ладонь литой тяжестью.

А еще в продуктовой палатке можно было купить шоколадный батончик за полтинник и пирожное «Турбинка» за двенадцать копеек. У старика же узбека, торгующего с лотка через дорогу, они покупали сушеных абрикосов, рахат-лукум или парварду с козинаками. Жизнь была дешевой и сладкой, несмотря на обилие военных, несмотря на близость громышающей границы. Впрочем, сам Аркадий от шоколада с абрикосами воздерживался. Обычно покупал квас, который бережливо переливал в большую литровую бутылку. Зато его приятель по «учебке», сын казаха и таджички Джабар, с удовольствием запасался шоколадками и мучным. Порой у любителя сладкого уходили на это последние деньги, но о деньгах тогда не жалели. Другие были интересы и другие ценности. Неторопливо и с удовольствием они выщипывали по кружечке кваса, после чего уходили в скверик и отдыхали в тенечке. Когда время приближалось к нужному часу, поднимались и шли на тренировку к Лосеву...

Аркан и сейчас готов был благодарить Бога, что одним из преподавателей на учебном курсе у них оказался Тимофей Лосев. Собственно, благодарить надо было ту случайную (или не случайную?) пулю, что, прилетев издалека, прошила руку мастера айкидо. Так вот и получилось, что, поправляя здоровье в приграничном Термезе, Тимофей вполне добровольно заткнул брешь в штатном расписании педагогов, на несколько месяцев превратившись для новобранцев в идола и кумира.

Он учил их ставить мины и растяжки, рассказывал, как эти же гостинцы ставят сами духи. Демонстрировал красивые многоцветные ручки, плееры, часы и зажигалки, которые «охотники востока» нашпиговывали черным пакистанским пластиком. Приманка для жадных и глупых срабатывала безотказно. А еще Лосев знакомил их с новинками военного прогресса – неизвлекаемыми минами и шрапнельными бомбами на мини-парашютах, с трофейными английскими винтовками и «электронными ушами», позволяющими отслеживать шорох шагов и шепот на дистанции до двух километров. Рассказывал о достоинствах и недостатках советской «брони», объяснял, как легко и просто моджахеды прячут оружие в густом подбрюшье овец, а наркотики в верблюжьих желудках, просвещал, что можно купить за афгани в местных дуканах и от чего лучше держаться подальше. Само собой, хватало историй про хождение на «боевые» – с анализом тактики противника и охраны караванов, про холод и жару в томительных засадах, про умение выслеживать засевших в горах снайперов. Все свои примеры он брал исключительно из жизни, и будущие сержанты слушали его, раскрыв рты. И все же главное действие разворачивалось не в классах, а в спортивном зале, где свисающая с перевязи раненная рука ничуть не мешала Тимофею повергать наземь набрасывающихся на него бойцов.

Должно быть, в давние времена с таким же восторгом ходили на цирковые выступления борцов. Поддубный, Лурих, Заикин – все они когда-то выступали на цирковых подмостках, бились друг с дружкой и храбрецами из зала. Нечто подобное творилось у них на татами. Огромный и кажущийся неповоротливым, Тимофей Лосев легко преобразался, превращаясь по собственному желанию либо в бешеную мельницу, либо в вооруженного невидимой катающей самурая. Капелькой ртути он сновал взад-вперед, тасуя учеников, словно колоду карт,

укладывая их на маты в аккуратном порядке, стараясь ненароком не покалечить. Единственная заминка произошла у него с Аркадием, но и здесь мастер не потерял своего лица; после нескольких минут беготни за юрким малышом он остановился и изобразил почтительный поклон. Далее будущему спецназовцу было предложено оставаться с учителем на дополнительные занятия в вечерние часы. Малорослый герой дня, конечно, согласился. В ту минуту оба искренне полагали, что им есть, чему поучиться друг у друга.

Только позже выяснилось, что стыковаться им крайне сложно. Физическая мощь Лосева не шла ни в какое сравнение с силенками малорослого Аркадия, однако Тимофей катастрофически проигрывал своему противнику в скорости. По всему получалось, что сила, способная в иных обстоятельствах переломить хребет любому качку и громиле, оказывалась неэффективной против Аркадия. Ученик уподоблялся мухе, которую сложно припечатать ладонью, и никакие мускулы здесь роли не играли. Это был тот редкий случай, когда виртуозная техника айкидо начинала пробуксовывать, а знание Аркадием «летальной» анатомии превращало единоборство в фарс. Тем не менее, они учились, хотя кто у кого учился в большей степени, еще следовало уточнить. По доброте душевной Аркадий пытался приобщить к вечерним занятиям своего тогдашнего напарника Джабара, но, увы, затея провалилась. Мастер спорта по самбо, юркий и смысленый Джабар, оказался не в состоянии вписаться в их дуэт. Если сравнение с Лосевым он проигрывал по части силы и техники, то дотянуться до Аркадия ему мешала все та же «медлительность». И все-таки шестью месяцами позже именно Джабар попытался в одиночку вытащить контуженного Аркадия из-под огня душманов. Сначала он вытянул товарища из горящей машины, потом умудрился стащить с дороги и одолеть заминированный участок зеленки. Увы, на этом его удача и завершилась. Джабар не сумел спасти Аркадия от плена, хотя и сохранил ему жизнь. Когда «духи» их засекли, он прикрыл друга от пуль. Будь у противника наши «акаэмы», прошили бы насквозь обоих, но пробивающей мощи у американской «М-16» хватило только на одно тело. Он так и остался там, у обгрызенных пулями деревьев, – Аркадия уволокли в горы. Возможно, окажись он выше и тяжелее, его добились бы контрольным выстрелом, но маленького и шуплого бойца было несложно тащить на плече. Возможно, кому-то он показался забавным трофеем, и, обреченный умереть, Аркадий не умер.

Началась тягостная и душная жизнь в плену, и две вещи, о которых он чаще всего вспоминал, это кружечка хлебного кваса и лицо погибшего Джабара. Сын казаха и таджички оставался красивым даже после смерти. Сам Аркадий не сомневался, что в следующей жизни Джабару повезет больше. Силы Сансары могли подарить ему иное тело и иной цвет кожи, но Аркан готов был биться об заклад, что Джабар уже не угодит в эпоху перемен – ту самую, о которой еще древние китайцы поминали с пугающими гримасами.

Укол оказался болезненным, и желание подремать моментально улетучилось. Аркан открыл глаза, марево воспоминаний рассеялось.

– Терпим, терпим... Умирать всегда больнее... – Игорь Александрович ловко выдернул иглу из вены, придавил ватным тампоном. Подмигнув Аркану, бросил шприц в мусорный пакет. – Ну? Как дышится, джигит?

– Главное, что не через дырку в груди.

– Шутишь? Уже молодец. А насчет дырки извини. Хирургического шелка не нашлось, растворимой лесочки тоже. Так что зашил тебе обычным кетгутом.

– И что это значит?

– Значит, что придется тебе потом самому выдергивать нитки.

– Ничего, справлюсь.

– И смиришься с мыслью, что останется шрам. Даже два шрама – спереди и сзади.

– Тоже не страшно. Я слышал, есть заведения, где подобные шрамы делают за большие деньги.

– Вот видишь, какая везуха! А тебе, считай, даром все досталась.

– Ерунда, деньги есть. Так что если надо...

Игорь Александрович отмахнулся.

– Тебе, парень, они будут нужнее. Так мне почему-то думается... Отлежаться-то найдешь где?

– Найду.

– Вот и славно. У меня, сам видишь, условия не фонтан, а через пару дней еще и коллеги из отпуска выходят, ремонт возобновится. Так что извини, прятать тебя больше не смогу.

– Все нормально. Я же понимаю, какой это риск.

– Не знаю уж, кто из нас больше рисковал, но тоннель в тебе пуля просверлила изрядный. Только лопаточная кость и остановила.

– Выходит, пульку с той стороны пришлось доставать?

– С той самой! Или ты хотел, чтобы я тебе грудину вскрывал и шел по каналу через все тело? – Игорь Александрович хмыкнул. – Скажи спасибо, что у нас свой рентгеновский аппаратик есть, так что пульку из тебя извлечь оказалось нетрудно. Кстати, если хочешь, забирай ее в качестве сувенира. Могу даже дырочку в ней просверлить, чтоб на шею повесить.

– Не надо. Я такие украшения не люблю.

– Твое дело, служивый. Главное, постарайся соблюдать режим. В первые недели не усердствуй, не забывай о паузах. Одоле лестничный пролет, перекури, прошел сто метров, присядь отдохни... Ты говорил, что спишь на животе? Это хорошо, – и дальше так продолжай... Раны водой не мочи, чаще перебинтовывайся, давай коже подышать. – Доктор мягко стиснул его запястье, опустил глаза на часы.

– Ну что, тикает?

С некоторым запозданием Игорь Александрович кивнул.

– Нормально. Если учесть, что после операции прошло всего три дня, картинка обнадеживающая. Говоря проще – идешь на поправку, боец.

– Вашими молитвами...

– Не молитвами, а усердием! – доктор заставил его поднять голову, пощупал шею. – Ну вот, и анализа никакого не надо. Без тонометра ясно, что давление выровнялось, железы еще малость припухшие, но тоже не страшно, сердчишко не скачет... Однако крепкие у вас там ребятки в «Кандагаре». Любо-дорого лечить!

Аркан улыбнулся.

– Чего улыбаешься? Думаешь, шучу? – доктор покрутил головой. – Нет, брат, лечить тоже бывает приятно. И даже не лечить, а вылечивать. Не поверишь, иногда жалею, что ушел из хирургии. Там ведь, на столе, такие драмы порой разворачивались! И бьешься, как боец в арьергарде, – до последнего вдоха. Зато, если победил, если пациента с того света выдернул, – это, брат, кайф! Был труп, и нету трупа! В том смысле, что ожил, начал в курилку бегать, еще и тебя поучает разным глупостям. А ты слушаешь, и рот до ушей. Потому как знаешь: все это – твоих рук дело. Разве не здорово?

– Зачем же ушли?

– Это не я ушел, меня ушли. – Игорь Александрович приблизился к умывальнику, привычно ополоснул руки, глядя в настенное зеркало, пригладил на голове аккуратный ежик волос. – Время-то вон какое настало: то обвал, то инфляция, то ГКЧП какое-нибудь. Больницы на честном слове держались, зарплаты по полгода не видели. Опять же новым из-за бугра повеяло, – технологии, инструментарий. А новое – это, Аркаш, всегда драка. Знаешь, сколько ортодоксов в медицине отирается?

– Наверное, столько же, сколько и в армии.

– Вот-вот! Значит, ты меня понимаешь. И ведь все со степенями крутыми, не подкопаясь! Так и получилось, что воевать было себе дороже, – решил переквалифицироваться в стоматологи. У них работенки и тогда хватало. Очень уж зубастое было время, без клыков – никак... Словом, подучился малость, сколотил собственную фирмочку, обзавелся лицензией, и пошло-поехало. Кстати, именно тогда ваши парни поддержали меня первый раз. Рэкетеры-то, как танки, перли, налогами обкладывали все, что двигалось. И главное – условия, паскудники, выставляли такие, что прямо за голову хватайся. В общем, сидели тогда с коллегами, репу чесали и всерьез думали о том, чтобы разбежаться. И что ты думаешь! – в те же дни припожаловал к нам в гости Дим-Димыч...

– Харитонов?

– Ну да. Он тогда в передрыгу попал, чуть челюсть ему кто-то не своротил. Словом, добавили парню проблем. Ну, а мы подлечили его, а попутно и половину ваших бойцов. Поговорили по душам, и все! Года три «Кандагар» нас крышевал, и ни одна тля сюда не совалась. Да и мы расширились, вместо трех комнаток целый этаж заняли, со временем и профиль поменяли. Со взрослых – на детишек перешли.

– Их что, легче лечить?

– Смеешься? Конечно, труднее. Им же, малюткам, страшно. Значит, надо работать и качественно, и быстро. Еще и психологом быть. Игрушки за отвагу дарить, сказки уметь рассказывать... Так что хороший стоматолог, тем более, детский, – просто обязан быть универсалом. Потому что должен не сверлить и рвать, а лечить, смешить и возвращать красивые улыбки... Видал? – за бумажный хвостик Игорь Александрович извлек из нагрудного кармана конфету. С шутивным пафосом пояснил: – Подарок от счастливого пациента. И неважно, что пациенту всего семь лет, – можешь мне поверить, такая конфетка перевесит дюжину коробок «Ассорти». Мы, Аркаш, помогаем детишкам в святом деле поглощения шоколада! За одно это нам можно ставить памятники.

– Завидую. – Аркан улыбнулся. – Не памятникам, конечно, – другому...

Брови Игоря Александровича смешливо дрогнули, он хотел что-то спросить, но удержался. Наверное, понял, что имел в виду гость.

– Нет, правда, хотел бы я чего-нибудь похожего, – продолжал Аркан, – чтобы рядом с детьми и чтоб никакого боевого счета.

Доктор улыбнулся.

– Ну, в этом ты, положим, не прав. Мы свой боевой счет тоже ведем. Если хочешь знать, через эти самые руки прошло более десяти тысяч человек. Десять тысяч имен и десять тысяч распахнутых ртов, можешь себе представить?

– Звучит впечатляюще.

– Еще бы! А в пересчете на вылеченные зубы и пломбы – еще круче. Считай, тысяч тридцать или сорок. Раньше летчикам за сбитые самолеты «героев» присваивали, – и нам бы могли что-нибудь такое придумать: скажем, выдавать по медальке за каждую тысячу. И ходил бы я сейчас с иконостасом на груди!

Оба рассмеялись.

– Нет, братец ты мой, стоматолог – это звучит гордо! Особенно – хороший стоматолог. Если хочешь знать, о здоровье нации судят по здоровью зубов. Имеются здоровые зубы, значит, есть здравый смысл, заставляющий заботиться о зубах, есть желание улыбаться друзьям и внукам. Потому что зубы и клыки – это по большому счету антонимы. Мир, к сожалению, этого еще не понял, но будем надеяться, прозрение не за горами... Ладно, ты сиди пока здесь, носа не высовывай, а я сгоняю на разведку.

Вновь став серьезным, Игорь Александрович вышел за дверь, предусмотрительно повернул в замке ключ. Поглядев ему вслед, Аркан подумал, что медалей братья стоматологи, действительно, заслуживают. И почему не вернуть старые советские традиции, когда любили

награждать дипломами, грамотами, медалями? А все связанное с детьми пометить особым «грифом». Не секретности, ясен пень, а государственной важности. Чтобы любому генералу и последнему дворнику была ясна разница между бытом и будущим.

Осторожно поднявшись из кресла, Аркан неторопливо приблизился к окну, прислушался к собственным ощущениям. Рука и плечо чуть ныли, но в общем и целом чувствовал он себя сносно. Три дня, проведенные в клинике Игоря Александровича, пошли на пользу. Правда, пришлось повозиться с рентгеновской установкой, приспособленной исключительно для обзора человеческих челюстей, но что-то такое Игорь Александрович, в конце концов, измыслил. А после, не мешкая, провел самостийную операцию, выдернув пулю из подлопаточной зоны, точно коренной, проросший в неподобающем месте зуб...

Раздвинув жалюзи, Аркан принялся наблюдать за дворовой суетой. Там, за стеклом, творились сущие пустяки: сновали мамы и бабушки с колясками, ковырялись в песочнице дети, лениво трусили от забора к забору тощие дворняги. Тем не менее, ему, сумевшему пережить непростую неделю, казалось манной небесной и эта малость.

Клиника была не самой крупной и располагалась на первом этаже углового здания. Второй этаж только начинали осваивать, но именно здесь до поры до времени Игорь Александрович скрывал от глаз посторонних тайного пациента. Затянувшийся ремонт смежных комнат во многом тому способствовал, – было, где отсидеться, а ночью даже и полежать. Доктор советовал больше отдыхать, «не усердствовать», и Аркан ни за что бы ему не признался, что этой ночью уже выходил наружу. Выходил, отомкнув замки и даже сумев отключить сигнализацию. Очень уж тянуло ощутить над головой открытое небо, вдохнуть полной грудью вольного воздуха. Кроме того, имелось одно дельце, которое также занимало его мысли. Поэтому первое, что он сделал, выбравшись из больницы, это еще раз проверил взятую у покойника карточку. К его удивлению, счет до сих пор не закрыли, и аппарат с равнодушным жужжанием выложил ему десять купюр по тысяче рублей в каждой. Он даже не сразу решился притронуться к ним. Такого расклада он не ждал, а потому и не стал он больше доить банкомат. Были бы силы, постоял бы на отдалении, понаблюдал за улочкой, но за отсутствием оных пришлось возвращаться обратно. Ей богу, не стоило подставлять клинику. Тем более, что нынешнее его убежище и впрямь можно было считать надежным. Очень уж давние отношения связывали Игоря Александровича с его друзьями. Кроме того, мало кто знал, что в прошлом зубной врач был хирургом, а посему можно было блаженствовать и отдыхать...

Что характерно, никаких подробностей доктор у него не выпытывал. Не удивился он и просьбе не созваниваться ни с кем из «кандагаровцев». Значит, помнил еще прежние горячие денечки «под крышей», когда жить приходилось в полувоенном режиме, барахтаясь в паутине законов, понятий и тотальной лжи. Аркану он, во всяком случае, поверил, и это тоже обязывало вести себя по возможности осторожно...

За спиной глухо скрежетнул замок, стремительно отворилась дверь – чересчур быстро для доктора. Аркан обернулся.

Нет, это был все-таки Игорь Александрович, но встревоженный, напряженный.

– Что-нибудь не так?

– Гости, – негромко выдохнул доктор. – Хорошо, медсестра успела предупредить. Трое быков. Похоже, по твою душу...

Глава 2

Гости вышагивали подобием птичьего клина – впереди Боря Жук, позади и слева – слоподобный Губан, справа – шепелявый Макс. Все трое были злы и взвинчены. Причин для подобной взъерошенности хватало с лихвой. Пацанов достали ежедневными гонками. Список адресов и фамилий казался резиновым, – всех надо было обежать, кого-то припугнуть, к другим присмотреться издали. Рекомендации печатались мелким шрифтом – все на тех же листах с чертовым списком, а потому пиво теперь пили только на ходу, закусывали в основном бурдой из пакетиков. Неудивительно, что на шуточки больше не тянуло, – все трое были здоровенными мальчишками, и каждый привык есть за двоих, исключая Губана, который проще простого опустошал до шести порций. То есть, мозгами он уступил бы среднему шестикласснику, зато безоговорочно выигрывал по части сала и мяса, – вязал узлом строительную арматуру, а в тяге отрывал от пола более трехсот килограммов. Вот и сейчас, топя позади всех, он шуршал целлофаном и наверстывал упущенное – поглощал очередную отраву от фирмы «Фаст-Фуд». Следовало признать, общую картину он несколько портил, но подобные шествия давно уже не приносили Жуку радости. Это в прежние мальчишеские времена он дурел от восторга, когда получалось попадать в свиту к районному бригадиру или кому покруче. За сто шагов народ чуял их приближение, торопился уступить дорогу. А когда на трех или четырех тачках приезжали на стрелку да еще с громобоями, Жук и вовсе забывал обо всем – даже о своих любимых ирисках. По-актерски выскакивал, бдитительно озирался, когда надо целился и жал курок. Впрочем, до серьезных ристалищ дело обычно не доходило. Имя Кнута срабатывало безотказно. Если же появлялась нужда в обильной крови, начальство находило ребяток поопытнее. И Боря Жук не обижался. Потому как самолично пришлось подержаться за бронзовые рукоятки гробов с пацанами. А уж последних он перехоронил на своем веку прилично. Пожалуй, из надгробий могла бы получиться приличная аллея. Зато и ума прибавлялось, – с каждым новыми проводами в нем росло понимание того, что обижаться на судьбу глупо. Да, он не пер в козырные, зато и жрал свои ириски, оставаясь живым и здоровым. То есть, от сладкого болели зубы, но этим его потери и ограничивались. Синяки и ломаные ребра не в счет, так как это считалось мелочью. Нетрудная жизнь да еще при таких крутых князьях, как Дюша и Кнут, его вполне устраивала.

То есть устраивала до недавнего времени. Пока не появился на сцене пакостливый недомерок по фамилии Малышев. И разом все пошло кувырком, словно вернулось старое гробовое время. Снова пошли трупы и зуботычины, на свет вынырнули стволы и мойки. А хуже всего, что началась гонка за собственной тенью. Недомерок исчез, и они искали его по всему городу, бегали с высунутыми языками и шерстили начальство. Это была пахота, о которой пацаны давно забыли, – с ежедневными заданиями, выморочными непонятками и постоянными нервами. Результата не было, за что и доставалось ежедневно по шапке. Пацаны надували губы, но перечить не смели. И конечно, потихоньку зверели, поминая «недомерка» последними словами.

– Тут же это... Типа, одни малолетки. – Макс с удивлением ворочал стриженной головой.

Боря Жук и сам видел, что в коридоре на лавочках сидят мамы и бабули с детишками. В основном – лет семь-восемь, чуть реже – ребяташки постарше. Но адресок был черным по белому пропечатан в приказном листе, а значит, обсуждению не подлежал. Более того, на утреннем сборе Дюша скользнул по списку глазами и утомленно ткнул в номерок с клинкой пальцем.

– Вроде Эльмаш? Так... Улица Пермьяковская. Значит, оттуда сегодня и начнешь.

– Я хотел сперва на Центральный сгонять. – Удивился Жук. – Там разом три адресочка рисуется.

– А ты нарисуешься здесь! – с нажимом повторил Дюша. Прозрачные его глазки глянули так, что спорить немедленно расхотелось.

– Надо, значит, сделаем... – пробормотал Боря Жук.

– Сигнальчик один поступил, – снизошел Дюша. – Засветился клиент.

– Малышев?

– Скорее всего... Вроде как в этом самом районе. Денежки, падла, снимал. А там всего-то три банкомата.

– Так мне что, банкоматы проверять? – ляпнул Жук, и Дюша, конечно, постучал себя пальцем по голове.

– А ты мозгой пошевели. Адрес-то есть? Вот и соображай, – стал бы он из центра пилить через полгорода, чтобы снять бабки? Конечно, нет! А если этому козлу еще и шкурку попортили, тем более... Короче, больничку пощупай и бугра тамошнего за цугундер тряхни. Ниточка дохлая, но мало ли что?..

Теперь Боря Жук делал, что велено, и, вышагивая впереди помощников, хмуро припоминал прежние свои щенячьи восторги от той малой власти, что давало ему сегодняшнее сопровождение. Но дети – не взрослые. Иные паскудники просто не выучились еще бояться. Показывали стервецы пальцами на Губана, без стеснения хихикали. Еще и зуб после очередной ириски разболелся. От него заныли соседи, и, казалось, вся челюсть полыхает и плавится на незримой жаровне...

Какая-то гримза в белом халате попыталась их остановить, но все тот же Губан, не переставая жеваться, поймал ее свободной граблей за локоть, отодвинул в сторону.

– Я... Я милицию вызову... – пролепетала женщина.

– Не дергайся, мы оттуда. – Боря Жук козырнул алыми корочками, и «гримза» скисла. Настроение Жука чуточку поднялось. Корки были, разумеется, липовыми, но главный фокус в том и заключался, что привлечь за них было нельзя. Внешнее сходство перечеркивала абсолютно издевательская надпись, идущая по ободку печати. МВД там расшифровывалось, как «Мужицкую Власть Даешь!», а вместо внушительного «Удостоверения» значилось «Удовлетворение». Другое дело, что вглядываться во все эти буквы у простого обывателя, как правило, не хватало времени. Тем более, что фотография была на месте, и обладатель «ксивы» вполне походил на свой черно-белый образ.

А еще через пару минут они уже входили в кабинет заведующего. Ветров Игорь Александрович (как значилось на золоченой, прибитой к двери табличке) оторвался от подноса с инструментами, встретил их недоуменным взглядом.

– Чем обязан?..

– Обязан ты, действительно, будешь. – Мутно пообещал Боря Жук. Дурачком лепила не выглядел, а потому корочками махать не стоило. Но и мудрить, как советовал Дюша, Боря тоже не собирался. Если с каждым из списка разводить турысы, жизни не хватит. Выдернув из кобуры револьвер, он шагнул к доктору, поднес ствол к докторскому лицу. – Где он?

– Не понял... О чем вы толкуете?

– Тебе объяснить? – Жук стволом ткнул под челюсть лепиле. – Или, думаешь, я тебя зажигалкой пугаю?

В данном случае, он и впрямь не блефовал. То есть, *почти* не блефовал. Разрешенных стволов у ребят Дюши хватало, однако попробуй испугай сегодняшнего лоха крохотулей «ПМ»! В особенности, если возьмет его своей лапищей Губан! Реакцией будет, скорее, смех, а не страх. Поэтому, идя навстречу пожеланиям братвы, оформляли более экзотические пушки вроде «ТТ» и «Наганьча». А уж знать, что оружие сие носит наименование «травматического» и клепается из металла не самого крепкого и благородного, тем же лохам знать вовсе необязательно. Тем более, что пластиковые пули тоже лупили пребольно, и были случаи, что убивали

наповал. Словом, психологический фактор не стоило списывать со счетов, и именно «Наганычем» угрожал сейчас Боря Жук врачу.

– Где Малышев? – он оскалился. – Шнифты вышибу, говори!

Не будь у Игоря Александровича прежней закалки, подобный прессинг мог и сработать. Но перестроечные годы учили не только громил, – многое намотали на ус и обычные граждане.

– Не понимаю, о ком вы? Я здесь один.

– А вот сейчас и проверим. – Жук кивнул Губану. – Осмотрись-ка... А ты, Макс, в коридорчик выгляни. Там вроде еще пара комнаток находилась.

– Только не измажьтесь, – предупредил доктор.

– Чего?

– Там у нас ремонт, кругом краска, клей, шпатлевка... Старые обои только-только отодрали.

Боря Жук нажал стволом посильнее.

– Че ты гонишь, фуфломет! Где Малышев?

Глаза доктора из серьезных неожиданно сделались сердитыми. Решительно отодвинув от шеи револьверный ствол, он заговорил уже с иной интонацией, которая Жуку совершенно не понравилась:

– Значит, так, милейший! Никакого Малышева я не знаю! Это во-первых, а во-вторых, хочу напомнить, что это детская поликлиника. Если вы ошиблись зданием, это не дает вам права вести себя по-скотски. А в-третьих, все детские учреждения находятся под особым контролем городского ОМОН. Так что не вздумайте устраивать здесь погрома.

От изумления у Жука полезли на лоб глаза, и даже Губан, двинувшийся было к двери, остановился.

– Ты чё, в натуре? Ты нас пугать вздумал? – Макс, самый заводной из троицы, драчливо пригнулся, расставив кулаки, ринулся к доктору. Боря Жук едва успел ухватить его за ворот. Все-таки главным в их команде был он, а насчет погрома и прочего лепила был, возможно, прав.

– Не кипешишь, Макс!

– Да он же фуфло гонит, урод такой! Только глянь на него! Чего ты лыбишься, падла! Ты нас, в натуре, лечить вздумал?

А доктор, в самом деле, улыбался.

– Язык у вас больно веселый, – пояснил он. – Я ведь, правда, лечу, а тут прямо какие-то смысловые перевертыши. Вся словесная этимология летит к черту.

– Ты ща у нас сам перевернешься!

– А ну хорэ! Расчирикались, понимаешь... – Боря понял, что нужно срочно менять тактику. Это Макс мог духариться, сколько душе влезет, а он-то видел, что лепила их явно не боится. Еще и зубки показывать вздумал. К слову сказать, не такие уж шутейные зубки. А ну как вызовут его медсестрички тот же ОМОН, и начнется веселье по укороченной программе... Дюша, конечно, отмаячит куда надо, и всех освободят, но ведь прежде потопчут, как петушки курей. Дубинками пофехтуют, и почки с печенью в фарш превратят. Уж это они умеют и любят. Потому как знают, что судьи с адвокатами против братвы хвоста не поднимут. Вот и правят беспредел – спешат, суки, до суда покалечить...

– Короче, так: ты нам вола не вкручивай, и головушку реально напряги. – Авторитетно заговорил он. – Мы лишака одного ищем. Фамилия Малышев, по жизни – мокродел. За такого мазу держать в падлу, сам должен догонять. А потому, если он здесь...

– Я уже сказал: никакого Малышева здесь нет и быть не может.

– Что ж, ты сказал, мы проверим. На все, как говорится, добрая воля. – Боря Жук мотнул головой. – Давай, Макс, осмотрись в тех вошебойках. И аккуратненько. Не поломай там ничего.

Губан в это время обошел кабинет, опасно косясь в сторону стоматологического кресла, побренчал кюветой с какими-то железками, нюхнул из случайной склянки. Сам Жук приблизился к двери в смежную комнату, неторопливо заглянул туда. При этом продолжал следить за физиономией лекаря. Однажды ему объяснили, что это верный способ поймать на вранье. И ведь в самом деле, с торгашами такой ход нередко оказывался удачным. Получалось находить и закуркуленную прибыль, и товар, и даже прячущихся в картонных коробках вьетнамцев! Во всяком случае, «штирлицей» среди торгашей водилось немного, – обычно физиономия грешника чем-нибудь себя да выдавала.

– Так... А тут у нас что?

– В этой комнате обычно сидит моя помощница, но сейчас она в отпуске.

– Помощница? Чего она, интересно, тебе помогает? – Боря Жук осклабился, но всего на чуток. Уже в следующую секунду он рассмотрел во второй комнате еще одну дверь. – А это что? Еще один кабинет с помощницей? Не много ли их у тебя?

– Там у нас что-то вроде кладовой. – Пояснил доктор. – Но комната маленькая, так что мы хотим сделать из нее биксовую.

– Чего? – Губан хохотнул. – Чего вы хотите из нее сделать?

– А что вас смутило?

– Не-е, ты, в натуре, назвал ее биксовой?

– Кажется, опять что-то не то с лексиконом? – догадался доктор. – Вас смутил термин «биксовая»?

Говорил он по-прежнему насмешливо, но Жуку показалось, что в глазах лепилы мелькнул огонек беспокойства. Или только показалось?

– Про бикс, братан, только кастрированные не знают... – великодушно пояснил он. – Короче, в Москве они на Тверской толкуются, а у нас в аккурат за автовокзалом. Догнал, о ком я толкую?

– Если вы имеете в виду...

– Их самых, чудила, кого же еще. – Продолжая сжимать в руке наган, Боря Жук направился к помещению «биксовой». – Вот ты, значит, где их прятать надумал. Никак для особо жирных клиентов?

– Никого я не прячу!

– Вот и проверим по ходу...

Жук снова отметил некоторую тревожность в голосе лепилы. И вдруг впервые подумал, что случись им встретить маломерку-беглеца лоб в лоб, то не спасет, пожалуй, ни травматический ствол, ни кулачища Губана. В голове всплыло воспоминание о бегущем по улице Малышеве. Как он тогда, падла, улелетывал! И ведь боевыми шмаляли в него, не пластиком. И все одно – ни хрена не достали. А потом, в торговом центре, – тоже ведь кончилось все полным палевом. И их троих сделал, и других пацанов. Четверых ведь тогда отправил к Аллаху!

Чувствуя, что лоб и виски стали подозрительно влажными, он с сомнением покосился на револьвер в своей руке. Еще сильнее заныла челюсть. Чертов зуб прямо-таки пульсировал от боли. Но показывать при посторонних накотившую слабость Жук не собирался. Качнувшись вперед, он ногой распахнул дверь.

Внутри царил полумрак, пространство было загромождено металлическими стойками и какими-то емкостями. Помещение и впрямь напоминало крохотный чуланчик. Если бы кто-то здесь отсиживался, не увидеть его было бы сложно.

– А свет... – он сухо сглотнул. – Свет где включается?

– Света, извините, нет. Я же говорил, у нас ремонт. Хотя, если боитесь темноты, могу поискать фонарь...

– Губан! – позвал Жук. Секунду поколебавшись, развернулся к грузному помощнику. – Что у тебя?

– А чего у меня? Все чисто. Я прикидываю так: если лепила не босогон, то и время тут терять не фиг.

В кабинет заглянул Макс.

– Пусто, Жук. Ни мебели, ничего. Только пылюга да краска с обоями.

– Ладно... – Боря Жук прикрыл дверь биксовой и неведомо почему ощутил облегчение. Будто свалил с загорбка куль с сахаром. Все-таки было в этой уютной каморке нечто настораживающее.

– Ну как? – поинтересовался улыбочивый доктор.

– Никак, лекарь, расслабься. – Жук неловко погладил щеку. – Я же говорил, скоро уйдем.

– Очень на это надеюсь.

– Только ты вот что... – Жук подумал, что все-таки не зря они заглянули в этот клоповник. Кое-что полезное – да еще на халявку – лепила сделать для них, безусловно, мог. – Зуб мне один погляди. Разболелся, сука, спасу нет.

– Но... – доктор растерялся. – Это быстро не сделать. Тем более, что у меня запись, очередь, пациенты.

– Ты дурку-то не гони! – Жук снова стал нервничать. – Мне ведь сверлить ничего не надо, позже как-нибудь соберусь. А сейчас обезболить – и все дела.

– Ну, если только обезболить. – Доктор пожал плечами. – Только ведь надолго не хватит. Всего-то часов на пять-шесть.

– А ты побольше дозу вкати, не жалея! Чтоб, типа, на весь день.

Доктор в сомнении покачал головой.

– Давай неменьжуйся! Делай, что говорят, и тут же отвалим. – Жук сунул револьвер в кобуру, по-хозяйски направился к зубо-врачебному креслу.

– Что ж, если вы настаиваете...

– Главное – никакой сверлильни! – Жук строго поднял указательный палец. – Я этот бор с детства ненавижу. Один укол, и хорэ!

– Как скажете. – Доктор приблизился к стеклянному шкафчику, загремел инструментами.

– И чтобы шприц разовый! – напомнил Жук. – Мне спиды, в натуре, не надо.

– Сделаем! – пообещал доктор. – Только сразу предупреждаю, говорить первые часы будет трудно. Сами понимаете, это вроде заморозки. Лекарство с десны попадет на небо, по капиллярам пройдет дальше, так что онемеет часть языка...

– Ты поменьше болтай! – рыкнул Губан. – Нашел чем пугать.

Глядя, как хозяин кабинета рвет упаковку и роется в холодильнике, отыскивая нужные ампулы, Боря Жук с готовностью распахнул рот. По старой привычке зажмурился. Стоматологов он боялся с детства...

– Я, честно говоря, уже запаниковал. Как же он тебя не заметил?

– А я за дверью схоронился.

– За дверью? – Игорь Александрович не поверил. – Да там и ребенок не поместится!

Аркан усмехнулся.

– Откормленный ребенок, может, и не поместится, а для меня в самый раз.

Самолитно протиснувшись в биксовую, Игорь Александрович открыл и закрыл дверь, взглядом попытался измерить тот невзрачный зазор, что оставался между стеной и дверной плоскостью. Всей ширины-то – на доску косяка. Может, чуток побольше. Во всяком случае, его бы дверь точно «прижала». Продолжая покачивать головой, он привстал на цыпочки и снова ввернул в патрон лампу.

– Староват я стал для таких встрясок, – признался он. – Сегодня мне зуб трудный спасать, а тут такое... Боюсь, придется отложить спасение, могу напортачить.

– Сегодня я уйду, – сказал Аркан.

– Брось! Я ведь уже говорил: пара дней, пока помощница не выйдет из отпуска, еще есть.

– Дело не в помощнице, дело в этих ребятах.

– Полагаешь, они могут вернуться?

– Все может быть. – Аркан задумался. – Я ведь когда шел сюда, пытался прокачать ситуацию. Не должны они были сюда соваться. Разве что наугад и наобум.

– Вот видишь, наобум и сунулись.

– Так-то оно так, только слишком уж рано они заявились. Много раньше, чем можно было ожидать. – Аркан подумал, что говорить о банкомате, наверное, не стоит. Тем более, что это могло оказаться и совпадением. Хотя... Ребятки, в самом деле, навести клинику чересчур быстро. Значит, про «наобум» можно было забыть. Работали по четкому плану и под чутким руководством. Возможно, проверяли все, что так или иначе связано с «Кандагаром», а может, успели отреагировать на «оживший» счет с карточки. В любом случае, стоматолог крупно рисковал, а значит, и время гостей подошло к концу.

– Того, что угрожал, я уже однажды встречал. – Пояснил он. – Узнал по голосу. Если он снова оказался у меня за спиной, это скверно.

– Но он же тебя не заметил!

– Не уверен. Их было всего трое, а на что я способен, эти щеглы знают.

– А на что ты способен?

Подняв голову, Аркан встретился со взглядом доктора. В глазах Игоря Александровича читался интерес. Оно и понятно, он тоже оказался втянутым в этот круговорот. Теперь и ему хотелось знать подробности...

– На многое. – Скупой ответил он. – А потому устраивать здесь «Норд-ост» эти парни могли и не решиться. То есть, меня этот пентюх не видел, но далеко не факт, что то же самое он расскажет своим паханам.

– Своим паханам этот «пентюх» ничего не расскажет. – Игорь Александрович по-мальчишечьи улыбнулся. – Я ведь тоже не люблю, когда мне в лицо оружием тычут. Поэтому мальчик получил хорошую дозу, как и просил. А уж я попал иглой куда нужно, пусть не обижается.

– То есть? – Аркан нахмурился.

– Думаю, наш общий знакомый сегодня крепко покусает собственный язык. – Игорь Александрович продолжал улыбаться. – Во всяком случае, внятно что-либо сказать в ближайшие восемь-десять часов у него навряд ли получится.

– А если он рассердится?

– Ну, что ж, сам напросился. При свидетелях. – Лицо доктора вновь стало серьезным. – И потом – я ведь не шутил насчет ОМОНа. Тревожная кнопка у нас тоже имеется. Как во всех детских учреждениях. Так что в следующий раз персонал будет предупрежден.

– Может, и не сработать. – Аркан поглядел на часы, прикинул, каким временем он располагает. – Я не об этой шантрапе, а о людях более серьезных.

– Ты думаешь...

– Я совершенно не уверен, но кто знает... В любом случае, играть в партизана не стоит. То есть, я хочу сказать... – Аркан смешался. – Если в больницу заявятся звери покрупнее, разумнее объяснить все, как есть, ничего не скрывая.

– Но я практически ничего не знаю...

– Именно поэтому, – перебил Аркан, – можно говорить все начистоту.

– И про пулю?

– И про пулю. Тем более, что про нее они без того знают. Но... Вынуть ее мог ведь и кто-то другой, верно?

Игорь Александрович неуверенно кивнул.

– Так что насчет операции говорить совсем необязательно; первая помощь, перевязка, – словом, импровизировать можно, как угодно. Тем более, что снимков не осталось, истории болезни тоже нет. – Он помолчал. – Возможно, будут проблемы, но... Могу только извиниться за доставленные хлопоты.

– Чушь! – Игорь Александрович, кажется, готов был рассердиться.

– И все равно – прошу прощения. – Аркан поглядел в глаза доктору и неожиданно увидел в них себя – маленького, нахохленного подростка. На душе враз стало пасмурно, и загулял мерзлый ветерок по спине. Ну, разве не подлость – досаждать людям и загружать их своими проблемами! Не проще ли выйти и сдать? Во всяком случае, следовало крепко задуматься над тем, стоит ли его жизнь спокойствия и благополучия тех, кого он уже потревожил и кого собирался потревожить в ближайшем будущем...

Он неторопливо прошел в кабинет, сунув руку в карман, выудил пачку смятых банкнот.

– Я не возьму! – запротестовал шагающий следом Игорь Александрович.

– А это не вам, детям. – Сказал Аркан. – Шоколад нынче дорог, а пломбы еще дороже, – вот и распорядитесь, как лучше...

Они не видели и не могли видеть, как в этот же день, двумя часами позже, Боря Жук получил по рогам от Дюши. Поскольку волей стоматолога обратился в «немого» и ровным счетом ничего не мог объяснить по поводу случившегося. Самое обидное, что те же Макс и Губан, стоявшие рядом, гоготали во всю глотку. Потуги мычащего собрата доводили их до колик. Впрочем, смеялись они недолго. Ограничившись парой смачных оплеух, помощник Кнута переключился на них, и теперь уже помощникам пришлось потеть и напрягаться, обстоятельно докладывая о разведанных адресах. Особенно подробно заставили рассказать их о «халявке», словленной Борей Жуком в стоматологической поликлинике. В отличие от своих шестерок веселиться Дюша не стал. Напротив, выслушав подчиненных, тут же извлек из кармана мобильник. Уж ему-то было известно, как обходиться с любой мало-мальски подозрительной информацией. Во всяком случае, получать в свою очередь «по рогам» от Кнута и Бессонова он не собирался. Потому и поспешил набрать номер Славы Майского. Как ни крути, а больничка была детской, и действовать нахрапом представлялось там не разумным. Кое-какими соображениями он мог бы уже сейчас поделиться с Кнутом, но за свои соображения пришлось бы и самому отвечать. А потому он снова прибегал к советам «постороннего» – в данном случае, майора Майского – человека бывалого и со связями...

Глава 3

Игорь Александрович уговаривал остаться хотя бы до утра, но Аркан поступил по-своему. Долгая «немота» гостя-уркагана его отнюдь не успокаивала. Напротив, подобный ход мог сыграть не самую добрую службу. Люди, что сплотились в команду охотников, дураков совсем не напоминали и на деле успели продемонстрировать свои богатые возможности. Они не боялись стрелять на людных улицах и контролировали банкоматы, имели влияние на блатных и помывкали милицией. У них имелась власть, и наличествовали деньги, а главное – они все-рез намеревались уничтожить его, стереть в пыль и развеять по ветру. Конечно, он мог еще некоторое время ходить по лезвию бритвы, однако скорый и безрадостный финиш предсказать было совсем не сложно.

Однажды он видел, как расстреливали дворовых собак. Стая, обосновавшаяся возле мусорных баков, действительно, разрослась до угрожающих размеров. Если верить ученой братии, пять-шесть собак – это уже стая, а каждая стая автоматически выбирает вожака. И вот тогда на определенном этапе происходит любопытная трансформация: вчерашние дворняги неожиданно вспоминают древние корни и свое родство с хищниками. А, вспомнив, они начинают нападать. Сначала на посторонних псов, посягающих кровную территорию, потом на детей, женщин и стариков. К слову сказать, нападают не в силу каких-то там подлых качеств, а исходя из соображений силы. Подобно волкам, выбивающим в первую очередь слабых и больных, они также выбирают соперников «по плечу». То же начинало происходить и у них: псы набрасывались на стариков с палочками, покусывали проходящих на мусорку домохозяек, кидались на детишек. Тем не менее, днем у расстрельной команды, приехавшей по вызову, ничего не получилось. Не позволили сердобольные бабули и дети. Но дело было привычным, и расстрельщики избрали иную тактику, заявившись под утро, когда псы еще спали в своем скособоченном, отдаленно напоминающем конуру домике. Аркан, сидевший у окна видел, как высыпавшие из «Газели» мужчины споро разобрали пневматические многозарядки и разошлись по заранее оговоренным «номерам». Парни были опытные и намеренно оставили коридор для особо прытких четвероногих. Там же в засаде устроился один из них, должно быть, самый меткий, возможно, даже бывший снайпер. Во всяком случае, когда бойня началась, псы ложились под стальными шариками, как кегли в боулинг-центре. И в прорыв, действительно, подалась рыжая лохматая самка. В этой стае она верховодила с самого начала, сумела отыскать выход и здесь. Схоронившийся у заборчика «снайпер» положил ее со второго выстрела. Еще продолжающую дергаться на земле добил контрольным в голову. Самое смрадное в этой истории заключалось в том, что перебитых «друзей человека» даже не стали увозить. Весь «улов» в количестве двенадцати дворняг покидали в мусорные, переполненные баки, и до приезда контейнеровоза жители окрестных домов имели возможность лицезреть заляпанные кровью тела меньших братьев, холмами громоздящиеся над контейнерами. Разумеется, видели их и дети. Какие выводы сделало про себя подрастающее поколение и что подумало об окружающем мире, оставалось только гадать.

Впрочем, гадать по поводу собственной участи Аркан не собирался. Все было без того предельно ясно. Он был для охотников такой же юркой шавкой, и можно было не сомневаться, что для грядущего «расстрела» подготовлено все, что нужно. Наверняка, такие же снайперы ждали его с взведенными курками, а те же загонщики смыкали круг поиска, все ближе подходя к затаившемуся зверю. Но «зверь» не хотел погибать, и потому снова уходил в прорыв. Уходил, как много лет назад из чужого душманского плена...

Их было всего пятеро – рабов, узников, военнопленных. Никто из них не мог бы с точностью сказать, кто они такие. Двое солдатиков, один офицер, француз-оператор и темнокожий ливанец. Откуда здесь взялся ливанец, было не очень понятно, но в этой войне все перемешалось, как в палитре свихнувшегося кубиста: политика, деньги, религия, национальности. Даже дневное пекло здесь с легкостью сменялось леденым холодом зиндана, а тот же француз-оператор говорил по-русски даже лучше, чем Гани, азиат солдатик, угодивший в плен через неделю после приезда в Афган. Ночью они кутались в рваные одеялишки и дрожали от холода, днем работали, перетаскивая привезенные камни, сооружая по соседству более комфортную тюрьму. Ну, а пока «тюрьма» была не готова, их держали в глубоком подвальчике. Как мрачно шутил хозяин: «В случае бомбежки – в живых останетесь только вы». Он ничуть не преувеличивал. Подвал, как подозревал Аркан, «рубил» такие же, как они невольники, – почва была каменистой, а наклонный коридорчик уходил в глубину на пару десятков метров. Таким образом, в случае обстрела снарядами или ракетами, им, в самом деле, грозила гибель не от огня, а от голода и холода. Понятно, что пленников подобная перспектива не радовала. Прогулками в туалет их не баловали, и холод на такой глубине сочетался с невыносимой духотой. Немудрено, что француз, днем державшийся вполне достойно, по ночам тихо плакал в свою рванину. Насколько знал Аркан, за него не давали выкупа, и хозяева всерьез обсуждали вопрос о его жизни и смерти.

То есть, назвать содержание раба накладным было никак нельзя, но имелся серьезный риск. Что-то там связанное с секретными договоренностями воюющих стран. Как говаривали горцы: СССР проглотил Афганистан, словно колючего ежа. Теперь не мог ни переварить, ни оторвать обратно. В чем-то они, вероятно, были правы. Потому что снова все рисовалось в бестолковом и неясном свете. Потому что воевали с иноверцами, но воевали, пользуясь помощью других иноверцев. Как сто и двести лет назад – жар загребали пришлые державы. Загребали, разумеется, чужими руками. Те из афганцев, кому грамоту не успели преподать, принимали все, как есть, и воевали просто потому что ничего иного им не предлагалось. Другие, из просвещенных и злых на весь белый свет, относились к творящемуся с более дальним прицелом. Верно, благодаря им, к войне густо примешали работорговлю, и приобщившиеся к товарно-денежным отношениям аборигены не видели особой разницы между пришедшими на их родину иноземцами. Возможно, все пришлые, по их мнению, пили из Афганистана сок – и даже не сок, а кровь. А то, что успел наснимать француз в паре со своим дружкой коллегой, хозяину тоже не понравилось. Недаром эта парочка пыталась уйти от них по дороге, и только пуля из винтовки с оптическим прицелом заставила «коллегу» ткнуться в руль простреленным лбом, а французика остановить джип и поднять руки.

Ливанец для моджахедов был в некоторой степени «своим». Даже успел вроде бы повоевать с израильтянами год или два. Однако здесь, по его словам, он «прозрел» и перешел на другую сторону. Перешел не слишком удачно, поскольку в тот же день машина, конвоировавшая пленника, подорвалась на mine, а беглеца аккуратно изъяли из дымящегося автозака и препроводили в горы. Видно было, что ливанец жалеет о поспешном выборе, что правдами и неправдами он готов вернуть расположение хозяев. Даже, работая на поверхности, он выказывал рвение больше других, словами и делом стараясь убедить хозяев в собственной «перекровке». Не раз и не два он пытался на своем тарабарском языке объясняться с «сокамерниками», однако выглядело это крайне неубедительно. Немудрено, что ему не верили ни свои, ни чужие.

Капитан, поначалу пытавшийся «строить» рядовой состав, довольно быстро замкнулся в себе. Судя по нашивкам, он был не из «боевых», – радиотехнические войска работали больше в тылу, обеспечивая разведанными авиацию и моторизованные колонны. В отличие от других, офицера чаще выводили на воздух, однако отнюдь не для совместных чаепитий. Сам капитан ничего не рассказывал, но, видимо, для допросов. Никто не знал, чем завершались его дол-

гие «беседы», но именно после них он сдувался, словно воздушный шарик. Аркан, поначалу пытавшийся поддержать сомлевшего радиста, в конце концов, оставил свои попытки. А позже в душу закралось подозрение, что процесс «чаепития», возможно, проходил для господ моджахедов отнюдь не безуспешно. Хотя – что уж такого мог выдать обыкновенный капитан? Карты минных полей, воздушные коридоры перевозчиков или имена кабульских чинуш-ренегатов?..

Не получилось у Аркана сдружиться и с Гани. На красавца Джабара солдатик казах совершенно не походил. Дело было даже не в костлявом теле и не плоском, как сковорода лице. Большой любитель булочек и шоколада, Джабар с удовольствием одаривал сладким всех окружающих, любил, когда вокруг смеются и улыбаются, – Гани же потерял себя еще скорее, чем его товарищи. Единственное, чего он хотел, это жить, и ради этого готов был идти на все. Для него было сущей трагедией, что в этом «всем» нынешние хозяева зиндана, похоже, не нуждались. И потому подобно ливанцу он пресмыкался разом перед всеми: перед тюремщиками, перед случайными жителями кишлака, перед товарищами по несчастью.

Так или иначе, но суровой мужской дружбы между пленными не возникло. Бывает так, что общая беда объединяет, но в их маленьком коллективе этого не случилось. А после того, как из-за спущенного вниз котелка с кашей произошла первая свара, атмосфера стала вовсе невыносимой.

Свару погасить оказалось несложно, но именно в этот день Аркадий окончательно понял, что скоро ему придется бежать – и бежать, скорее всего, в одиночку.

Большим знатоком по части подделки документов Аркан бы себя не назвал. Детские дневники и тетради, в которых порой оценки «два» переправлялись на «три», были не в счет. Там ему хватало обычной резинки и бритвочки. Сейчас же следовало сработать по возможности «чисто», и потому он пошел по пути более щадящему, а именно, подобрав похожие чернила, попытался максимально использовать те графические «прорехи», что оставил почерк неведомой паспортистки.

Вариантов было не столь уж мало, и он перебирал их один за другим, мысленно дорисовывая буквы и подтирая все «лишнее». Исправить «Малышева» на «Шапышева» было совсем просто, но именно своей простотой данный вариант и отталкивал. Тот же Харитонов однажды рассказывал о специальных программах, настраиваемых на поиск нужных слов по количеству букв, по началу и окончанию, по «хвостатым» прописным и коэффициенту вариативности. Так что включись в игру опытные программисты, и можно было заранее оплакивать все его сегодняшние ухищрения. Тем не менее, он попытался минимизировать риск и внес исправления по возможности аккуратно. На возню с документом у Аркана ушло более часа. В итоге фамилия удлинилась на две буквы, и детскую поликлинику беглец покидал уже с паспортом на фамилию Шаповалова. Удалось исправить и отчество; теперь вместо Васильевича он стал Витальевичем. Полезно было бы расстаться и с именем, но здесь он был уже бессилён. Никакой подходящей замены «Аркадию» в голову не приходило, а потому все осталось на своих местах. Наверное, следовало дожидаться доктора и по-человечески попрощаться, но что-то подсказывало Аркану, что задерживаться здесь долее опасно. Отчетливый запах погони щекотал ноздри, заставляя спешить. А потому он ушел, не прощаясь. Ушел в этот же вечер.

Уже через полчаса Аркан брел по смуглеющему Екатеринбург, спокойно позволяя прохожим обгонять себя. Мимо печально знаменитых «истуканов» на Плотинке, мимо «Дома Актера», мимо глыбоподобного памятника вождю мирового пролетариата. Местное подобие «Арбата» на улице Вайнера бурлило гомонящими толпами. По слухам, именно здесь парочка голубых пыталась прилюдно заняться любовью. Самое пакостное, что им никто не препятствовал. Народишко толпился вокруг, посасывал пиво, глазел и хихикал. Что-то было не так

с сегодняшним социумом, хотя... Вполне возможно, это «не так» было всегда. И те же просвещенные патриции ходили в Колизей наравне с плебеями, а высоколбые эстеты считали своим долгом хоть раз в жизни посетить настоящую корриду. Ничего в этом мире не изменилось. Разве что прибавилось сажи и копоти. А потому особого сожаления по поводу отъезда Аркан не испытывал. В сущности, никуда он не уезжал, – душа продолжала пребывать в покое, из пункта «А» в пункт «Б» перемещалось одно лишь тело...

– Тормозни-ка!

Довольно грубо его выдернули из печальных мыслей, рванув за шиворот, прислонили к стене ближайшего дома. Ни ахать, ни падать в обморок Аркан, разумеется, не стал. Это не было криминальным «хвостом», и остановил его всего-навсего милицейский патруль. Трое молодежьавых хлопцев в серых мундирах, с рациями и дубинками. То есть, дубинки у двоих, у третьего – коротыш «Калашников». К чему-то подобному Аркан готовил себя изначально, и все же стремительность, с которой работала противная сторона, в очередной раз изумила. Стало быть, в оперативных сводках он уже значился, и, скорее всего, организаторы охоты успели посулить сотрудникам правоохранительных органов некую негласную премию.

– Ребятки, вы чего? – Аркан простодушно захлопал глазами, покорно приподнял руки.

– Стой, чурка, не дергайся! – рослый сержант степенно сунул пятерню в нагрудный кармашек, достал ксерокопию фотографии. Внутренний будильник Аркана выдал тревожный звонок. Искали, в самом деле, его! Тем не менее, на все сто они еще не были уверены, хотя и подперли для надежности автоматным стволом.

– Ну что? Он?

– А хрен его знает. Сам знаешь, какой у нас факс...

– Рост вроде совпадает.

– Мало ли что рост!

– Короче, ведем в отделение, там разберемся...

Мягким движением Аркан отвел автомат в сторону, не дергая ствол, сработал правой ногой. Тут же без перехода ударил левой. Сержант, разглядывающий ксерокопию, даже не заметил, что коллеги его уже валяются на тротуар. Его Аркан пощадил, вбил в лоб основание ладони – точно гвоздь вколотил. Той же рукой ухватил под локоть, удерживая от падения. Секундой позже отпечаток фотографии переключал в его собственный карман, а сам Аркан переступив через лежащего автоматчика, быстро зашагал по улице. Уже на повороте, оглянулся. Один из упавших уже цеплялся за стену, силясь подняться, второй ворочался на тротуаре, баюкая в ладонях ушибленную промежность. Сержант же по-прежнему стоял, покачиваясь, пребывая в неуютном состоянии «гроги». Следовало отдать им должное: все трое не поднимали крика, предпочитая страдать молча. Но долго так продолжаться не могло, – тем более, что и прохожие начинали проявлять интерес к случившемуся. Пара обеспокоенных старушек даже показывала в сторону Аркана пальцами. Поэтому, не дожидаясь окончательного пробуждения к жизни милиционеров, он нырнул в ближайший дворик, скорым шагом пересек его и, оказавшись на параллельной улице, удачно вскочил в отходящий троллейбус.

Как бы то ни было, но ретивый патруль лишней раз убедил его в невозможности задерживаться в родном городе. Собственно, задерживаться он и не собирался. В общих чертах план эвакуации был готов, с мелочами же Аркан надеялся управиться в течение ближайших часов.

Глава 4

Дмитрий Харитонов прищурился. На опоясанном огнями помосте сновали два мускулистых бойца – брюнет и блондин. Брюнет часто попадал в цель, агрессивно наседал, но блондин переносил тумачи стойко, всем своим видом показывая, что в запасе у него есть опасный сюрприз. Тела бойцов подозрительно поблескивали, и очень походило на то, что перед выходом на публику обоих основательно обмазали маслом. Да и сам помост лишь отдаленно напоминал ринг. Серьезных поединков здесь, видимо, не жаловали. В самом деле, какая звезда, пусть даже трижды «бэу», отправится выступать в дыру под названием «Шхуна»? То есть, по меркам уральской столицы казино было вполне приличным, однако с брэндом здесь наблюдались явные нелады. Впрочем, высказываться об этом вслух не имело смысла. Здешним хозяевам как раз мерещилось, что пестрая мешанина, в которой ринг, восточные единоборства уживались с флорентийским витражом, батальной живописью и развешанными тут и там китайского производства клинками, должна производить на обывателя должное впечатление. Возможно, и производила, а стало быть, цена Харитонову, как советнику и консультанту, была ломанный грош. Как и многие его одногодки, он явно начинал отставать от времени и, понимая это, разумеется, не испытывал радости. Впрочем, советы его держателям «Шхуны» касались не убранства и общей эстетики, а исключительно той части, которая была сопряжена с безопасностью местного бизнеса.

Только что он в полусогнутом состоянии одолел периметр визуального слежения. Весь второй этаж, разделенный на три игорных зала, просматривался прекрасно. То есть – прекрасно, если не считать скрюченного состояния, в котором обязаны были находиться бедные наблюдатели. При особом желании с фигурных консолей можно было даже перебраться на потолок, где также имелись смотровые окна, но этого Дмитрий делать не стал. Чем глубже вникал он в охранные дела казино, тем большая охватывала его тоска. И даже не тоска, а ясное понимание того, что огромное это заведение «Кандагару» было просто не потянуть. Ни с моральной точки зрения, ни с физической. Проще говоря: скучно, нудно и чрезвычайно хлопотно. Добавить к этому нешуточную ответственность, и смело можно поднимать ручки.

Озирая через крохотное оконце зал, в котором красовалось с полдюжины игорных столов, он в очередной раз задержался на знакомой физиономии. Сухощавый и довольно высокий мужчина со скучающим видом прохаживался вдоль стен. Коротенький ежик, строгий костюм, обязательный бэджик на груди и миниатюрная рация в кулаке – стандартный «интерфейс» здешней охраны. Пожалуй, построй их в шеренгу, только по росту и отличишь. Тем не менее, этого паренька он запомнил. Именно он пытался удержать своих и пресечь побоище, устроенное пару месяцев назад Аркадием. И тогда же Харитонову показалось, что где-то раньше он его встречал. Конечно, большинство местных «секьюрити» успели основательно примелькаться, но с этим охранником было что-то другое. Возможно, связанное с далеким прошлым, а уж добрым или не очень – сказать было сложно.

Харитонов взглянул левее и в одном из сидящих за игорным столом узнал директора сотовой компании «Телевик». Балагур и завсегдатай всевозможных шоу на этот раз выглядел мрачным. Видать, основательно проигрался – тысяч на шесть-семь зелененьких, то есть, почти на всю свою месячную зарплату. Зато через пару шагов от него радостно колыхал двойным подбородком и сгребал фишки дородный Яша Прокудин, личность на Урале не менее известная – и известная прежде всего силовыми набегами на чужие предприятия. При этом экраны Прокудин никогда не стеснялся, с удовольствием сыпал в микрофон популистскими прибаутками, а посему вопреки дрянной биографии пользовался у народа доверием и уважением.

Любоваться игрой внизу окончательно расхотелось. Стараясь на удариться головой о рифленый свод, Дмитрий неспешно выбрался из узкого коридорчика, по лестнице спустился

на служебный этаж. Здесь его встретила целая делегация: Арнольд Береславский под руку с гимнасткой-красавицей, пара всегдашних помощников и вереница охранников. Не самый главный чинуша при казино, но именно с ним чаще всего приходилось иметь дело. Арнольд Дмитрию откровенно не нравился, однако ни на минуту он не забывал, что именно «Шхуна» на сегодняшний день оставалась их главным по-настоящему серьезным донором. Укажи им Арнольд на дверь, и кораблик «Кандагара» немедленно осядет на финансовой мели.

– Ну как? – личико главного распорядителя игорных залов лучилось туповатым довольством.

– Великолепно! – Харитонов изобразил вежливую улыбку. – Только я бы на вашем месте все-таки ограничился теленаблюдением.

Брови Арнольда скакнули вверх.

– Все лучшие казино в Европе оборудованы подобными ярусами!

– Увы, мы – не Европа. Даже географически Екатеринбург принадлежит Азиатскому пространству. – Дмитрий говорил неторопливо, стараясь не ляпнуть лишнего. – Я хочу сказать, что на ярусах вам придется постоянно держать трех-четыре человек. Помножьте это на две-три смены и получите дополнительный расход. Можно, конечно, завести надежную сейф-дверь, но и это не решит проблемы.

Арнольд все еще не понимал, и Харитонов объяснил более доходчиво:

– Подобные галереи – идеальное место для выстрела. Сколько киллеров у нас приходится на тысячу россиян, вы сами, вероятно, представляете. Значит, лишняя ответственность, не обойтись без слежки за собственными подчиненными.

– А вы боитесь ответственности?

– Скажем так: я ее недолюбиваю. – Дмитрий усмехнулся. – И кстати, если заговорили об этой капризной даме, то камеру номер три из главного зала надо бы переместить на полметра правее. На мониторах в этом секторе есть мертвая зона. Сейчас в этом лишний раз убедился, – одна из ниш совершенно не просматривается.

– Ага... – Арнольд взглянул на протянутую ему схему, неловко взял холеными руками, и Харитонов рассмотрел маникюр на его пальцах. Вполне пристойный, почти бесцветный, и тем не менее...

– Здесь я все отметил, – он указал ручкой. – Полметра вправо, и разом откроется лавочка с пальмой. Ну, а поскольку рядом карточный стол, это также может оказаться важным.

Блестящий и отглаженный Арнольд насчет «лавочки с пальмой», кажется, понял. А потому, распрощавшись с вельможной особой, Дмитрий спустился на первый этаж и, миновав вереницу лотков со съестным, выбрался из помещения.

Уже под открытым небом извлек из кармана сотовый телефон, проверил эсэмэс-доклады от родни. Разумеется, отзвонились далеко не все, но этого следовало ожидать. Скверная это штука – контролировать близких, и все-таки каждый день теперь начинался и заканчивался с обязательного обзвона семьи. Харитонов предполагал, что нечто подобное проделывают и его коллеги. «Кандагар» еще не ступил на тропу войны, но в состоянии боеготовности вынужден был находиться. Угрозами такой личности, как Кнут, пренебрегать не стоило.

Среди прочих сообщений попалось ему на глаза и послание от Шебукина. Вполне светски Михаил приглашал начальника «тяпнуть жидкости в ближайшей кафешке». Из вариантов предлагались либо «Шаолинь», либо «Виват Советикус!». Мысленно Дмитрий поставил Шебукину «пять». За конспирацию и смекалку. Ясно было, что парень уже торчит в искомой «кафешке», но говорить об этом напрямую в наступившие времена не рекомендовалось.

Подыграв приятелю, Дмитрий тут же отстучал ответ:

«Плывем в „Шаолинь“. Там кофе поплоче, зато цены божеские. Буду минут через двадцать».

Дмитрий глянул на часы, отметил про себя, что заехать к смежникам в «Рос-Ярд», видимо, не успеет. Шебукин явно вызывал неспроста, а потому томить ожиданием коллегу не стоило...

Открылась и закрылась дверь за спиной, кто-то вышел на крылечко покурить.

– Огонька не будет?

Харитонов оглянулся. Над ним возвышался «секьюрити», тот самый великан из игрового зала. Лицо чистое, но уже с едва намечающимися лучиками морщинок, черты грубоватые, словно нос, подбородок и лоб рубили топором из выдержанного дуба. Уже не паренек, но муж. А таким непросто выдерживать конкуренцию с молодой порослью. Значачеся на бэджике имя Семена Никифорова ни о чем не говорило.

Харитонов протянул ему зажигалку, пронаблюдал, как мужчина затягивается. В том, как прикрывал он огонек ладонями, тоже виделось особенное.

– Воевал?

– Было дело.

– А где? Мы ведь с тобой, такое впечатленьце, виделись.

– Значит, вспомнил? – в глазах «секьюрити» мелькнули довольные искорки. – Верно, Харитонов, виделись мы с тобой. Правда, мельком.

– Афган?

– Да нет, Югославия. Западная Моравя. Вы тогда с Лосевым через речкеу переправились – с подранком. А я в патруле был, на вас напоролся.

– Помню.

– Ага, едва не перебили друг дружку. Спасибо сержанту, – вовремя матом заорал.

– И сержанта вашего помню. – Дмитрий с усилием кивнул. Потому что ночка была и впрямь смурная. И Стас тогда подорвался глупее глупого. На своей же российской мине, уже на отходе, когда вражеская территория осталась позади и, казалось, можно было расслабиться. Вот и расслабились, тудить их в качель! Ногу Стасику спасли только чудом. Потому и рванули к своим напрямки, рискнув переправиться через реку в незнакомом месте...

– Вон ты, значит, где загорал. А я-то голову ломаю, где тебя видел! – Дмитрий вздохнул. – Стало быть, со встречей, боец Никифоров.

– Ага, со свиданьем.

– Хороший у тебя рост для вышибалы. Метр девяносто три?

– Было. – Охранник ничуть не удивился вопросу. – Теперь поменьше. Усыхаю. А ты никак снайперил?

– Да нет, Бог миловал.

– Глазомер как у снайпера... – Семен крутил зажигалку в ладони, явно не спеша возвращать. – Только вот что, Дим, ты не спеша радоваться, я ведь предупредить хотел.

– Что такое? – Харитонов насторожился.

– И говори потише, чтоб не светиться. – Семен сделал глубокую затяжку. – Короче, подробности опускаю, но советую ознакомиться с историей нашего заведения. С самого, так сказать, основания.

– Есть что-нибудь занимательное?

– Для вашей команды – да. – Семен шевельнул головой, вроде как почесывал шею в тесном воротнике, – на самом деле сканировал пространство. После чего сунул руку в карман и, приложив к зажигалке бумажный квадратик, протянул собеседнику. – Посмотришь на досуге, сам поймешь – о чем я. Если коротко, то вся наша «Шхуна» – сплошное мутилово и кидалово. И вас кинут. Как покончите с отладкой, бортанут на все четыре.

– А не накладно будет? Мы ведь тоже умеем обижаться.

– Проглотите. У вас самих теперь, я слышал, проблемы. Или нет?

– Или да. От кого слышал?

– От Арнольда. Он у нас на печеночку слаб. По вечерам ликер с коктейлями трескает. А как выпьет, языком метет направо и налево. Что слышит от хозяина, нам выбалтывает.

– Понял... – Дмитрий прищурился, переваривая услышанное. – Ну, а тебе-то какой интерес своих сдавать?

Семен повернул голову, с высоты своих метра девяноста взглянул на собеседника.

– А это, браток, еще большой вопрос, кто для меня свой, а кто не очень.

– Не любишь, выходит, Арнольда?

– Без комментариев. – Семен скупно улыбнулся. – Я, Харитонов, пес цепной, а псы на хозяев не гавкают.

– Но ведь предупредил?

– А ты недоволен?

Грубоватое лицо Семена неуловимо дрогнуло, и Дмитрий понял, что невольно задел за живое.

– Прости. – Он легонько кивнул. – И за совет спасибо, на досуге непременно ознакомлюсь. После уничтожу, об этом тоже не тревожся.

– А я не тревожусь. Я под крышу пошел. Курить, знаешь ли, много вредно.

– Тогда бывай, боец Никифоров.

– И ты бывай, капитан! Или уже майор?

– Без комментариев. – Дмитрий улыбнулся. Уже шагнув с крыльца, обернул голову. – А знаешь что, Сема? Заходи как-нибудь в гости. Пушкина 12, найдешь без труда. Дерябнем чайку, бывшее вспомним.

– Решил вербануть?

– Да нет, здесь ты больше получаешь. Кроме того, как ты верно подметил, у нас там и впрямь трудные времена.

– Я подумую, Дим. И ты подумай. Насчет записки...

Глава 5

Дорога до «Шаолиня» была недолгой, однако «хвост» Дмитрий обнаружил почти сразу. Собственно, пасущий его «кореец» улиточной формы и светло-зеленого окраса не очень-то и маскировался. Приглядевшись к его маневрам на дороге, Харитонов решил про себя, что сбросить при необходимости этот «репей» не составит труда. Можно даже устроить наглецу маленький кульбит с петлей Нестерова и тройным тулупом на выходе, но рисковать не стоило. Ясно, что филеров ему прилепили люди Кнута, и, скорее всего, пакостить они не будут. Собственно, в том и фишка открытого наблюдения, что оно нервирует и заставляет совершать ошибки, от которых при ином раскладе можно было бы уберечься.

Тем не менее, от простенького теста Харитонов не удержался. За несколько кварталов от кафе припарковал свой «Мерседес» и вышел прогуляться пешочком. При этом намеренно не спешил – купил вафельное мороженое, пачку зубочисток, вышагивая по тротуару, задерживался у всех встречных афиш и киосков. Не забывал останавливаться и возле нишенок таджичек, ссыпая наличную мелочь в смуглые ладонки. При этом боковым зрением продолжал фиксировать улиточную тень «корейца». По опыту знал: следовать за гулякой на колесах нелегко. По идее, у филера теперь два выхода: либо выбираться наружу и топтать на своих двоих, либо ползти черепашьям ходом, вызывая гнев и раздражение всех следующих позади машин. Однако «тест» проявил себя неожиданным образом. Поскольку обнаружился третий вариант – самый худший и удручающий. Но именно им воспользовались господа филеры. Потеряв терпение, «кореец» сорвался с места и уже через минуту пропал из виду. А еще чуть погодя Дмитрий разглядел его на стоянке возле «Шаолиня». Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять: телефонный его канал эти «кулибины» прослушивают и просматривают. А значит, и конспирация Шебукина оправдала себя на все сто.

Шока Харитонов не испытал, однако некий морозец по коже все-таки прошелестел. Как ни крути, но чтобы свободно читать чужие «эсэмэски», нужно иметь *особый доступ*. Судя по всему, подобный доступ, у челяди Кнута имелся.

Не хотелось думать плохо о Семене, но в сложившихся обстоятельствах следовало соблюдать максимальную осторожность. Поэтому зайдя в кафе, Дмитрий сходу поднялся на второй этаж и, издали помахав сидящему за столом Шебукину, свернул к мужскому туалету. Там, в тесной кабинке, он скоренько ознакомился с содержимым переданной ему бумажки, после чего щелкнул зажигалкой, заставив листок с текстом сморщиться и почернеть, а после пропасть навсегда в клокочущем зеве унитаза.

Пробираясь к занятому Михаилом месту, Дмитрий едва не запнулся за ветвящийся по полу кабель. С тех пор, как он впервые посетил это заведение, количество столиков порядком умножилось. Зато и громоздкие мониторы сменили жидкокристаллические экраны, а вместо колонок тут и там над столами свешивались гроздьи наушничков. Беспроводные технологии здесь, скорее всего, еще не появились, однако определенный прогресс все же был на лицо. Модернизация не тронула разве что разукрашенных иероглифами стен, и, конечно же, осталось на своем законном месте грандиозное панно, изображающее битву древних монахов с полчищами врагов-иноверцев. Сразу над картиной на алом полотнище золотистым стилизованным шрифтом была выведена сакраментальная заповедь самурая:

«Самурай должен помнить – помнить днём и ночью, с того самого утра, когда он берёт в руки палочки, чтобы вкусить новогоднюю трапезу, и до последней ночи старого года, когда он платит свои долги, что он должен умереть...»

А чуть ниже панно обыватель мог ознакомиться с информацией совсем иного рода:

«В 1644 году всадники-кочевники маньчжурской династии Цин захватили Китай и разрушили знаменитый монастырь Шаолинь. В живых остались лишь трое монахов, уходивших в это время за провизией. Вернувшись, троица увидела только пылающие руины и пронзенные стрелами тела товарищей. Эти-то три монаха и основали первую «триаду» – «Союз Земли, Человека и Неба во имя справедливости...»

Каким образом стыковались между собой панно, заповедь самурая и история создания первой китайской триады, местные оформители, по всей видимости, не задумывались. Не сочли они за труд и уточнить, что нынешнюю триаду современный мир трактует как восточную мафию. Владей заведением какой-нибудь китайский лаобан, все встало бы на свои законные места, но ничего похожего не наблюдалось. По сведениям Харитонов, кафе принадлежало лицам вполне славянской национальности, и оттого оформительская замутка крайне напоминала эстетику казино.

Тем не менее, странноватым настенным изречениям имелось свое простенькое объяснение. Кусочек «иероглифической» истории знаменовал всего лишь вступление в чертоги лунного Востока. Востока не магометанского, но буддистского – с сандаловыми свечами и пряными благовониями, с обещанной нирваной и многочисленными перевоплощениями.

Вся закавыка крылась в том, что «Шаолинь» было первым Интернет-Кафе, появившимся в городе Екатеринбурге. Если клубы вроде «Водолея», «Карабаса» и «Эльдорадо» завлекали клиентуру с помощью барышень в клетках и мальчиков на ринге, то здешние хозяева предпочли путь более изысканный. О всемирной сети в ту пору знали крайне мало, а посему владельцы кафе ударили по рекламе, из ореола создав ауру, сумев превратить обычную игровую точку в нечто пикантное и аппетитное. Так появился фирменный поднос с обязательной чашечкой кофе, деревянными палочками и горкой миниатюрных рогаликов. Ну а к выставленным на столы мониторам добавились многочисленные картины и надписи, по убеждению оформителей зала, приближающие посетителей к миру сетевых «реинкарнаций».

Те, кто заходил в «Шаолинь» просто попить кофе, почесать языки и послушать музыку, задерживались на первом этаже. Любители «сетевой нирваны» и «электронного трепа» поднимались выше.

– Ну как, не успел еще заскучать? – Харитонов плюхнулся на стул рядом с Шебукиным.
– Да нет. Зато сжевал все рогалики – твои в том числе. Выпил бы и кофе, да он остыл.
– А гадать на кофейной гуще не пробовал?
– Чудила, ее здесь никогда не водилось. Кофе, хоть и фирменный, а говнецо.
– Посмотрим... – деревянной палочкой Дмитрий помешал в чашечке, после чего подцепил ее двумя пальцами и в два глотка осушил. – Действительно, никакой гущи, и, действительно, остыл.

– Любишь горяченькое – жми на газ.

– Пришлось жать на тормоз. Пасли меня.

– Бежевая «Хонда-Аккорд»? – оживился Михаил.

– Да нет, моя машинка была попроще... Но это бы ладно, – они сообщение твое прочли.

Сначала твое, потом мое, и отреагировали адекватно.

– Вон оно как! – Михаил сумрачно переломил свою палочку, бросил на поднос. – Что ж, о чем-то таком я подозревал... Хочешь порадовать чем-нибудь еще?

– Да это вроде бы ты меня порадовать хотел.

– Я в этой очереди последний, Димон. Давай сперва тебя послушаем.

– Если невтерпеж, то давай... – Дмитрий откинулся на спинку стула, цепким взором окинул соседние столики. В основном в зале присутствовал молодежь: мальчишки с очумелыми

глазами, флиртующие парочки... Как бы то ни было, но любой гость из «взрослых» немедленно бы себя обнаружил.

– Так что там у тебя еще?

– Еще? – Харитонов обернулся к коллеге, рассеянно покусал нижнюю губу. – Еще некто поведал мне историю одного местечка. Того самого, на которое мы возлагали наши финансовые надежды.

– Ты говоришь о казино?

– В точку. – Дмитрий забарабанил пальцами по столу. – И история по всем прикидкам получается паршивенькая. Помнишь детскую прибаутку: «Как вы яхту назовете, так она и поплывет» – так вроде бы?

– При чем тут это?

– А притом, что наша «Шхуна» с самого начала поплыла нехорошим зигзагом. – Облокотившись о стол и оказавшись таким образом ближе к Михаилу, Дмитрий коротко пересказал свою беседу с охранником. О содержании переданной ему бумажки говорить не стал.

– Выходит, «Шхуна» заминирована?

– Может, да, а, может, и нет.

– Но почему? Какой в этом смысл? – Шебукин скрежетнул зубами.

– А смысл такой, что схему пирамид не мы с тобой придумали. И пирамиды, брат, строятся не только из кирпичей и доверчивых вкладчиков. Есть материалы и покрупней.

– О чем ты?

– Компании, товарищества, разномастные «ООО» и «МММ»... Словом, большие фирмы съедают малые, а их в свою очередь обглаживают банки и медиа-структуры. Вот и Семен намекает на что-то подобное.

– Значит... «Шхуна» будет съедена?

– Молодец, соображаешь. Но чтобы елось с удовольствием, нужен хруст чьих-нибудь косточек. А нам ведь тоже предлагали хороший пай, если ты помнишь. И это всего лишь за крышу!

– Почему же, не только...

– Верно! – нетерпеливо перебил Харитонов. – Мы крышуем их, следим за модернизацией систем безопасности, тренируем личный состав и тому подобное. Только скажи на милость, кто за такие вещи рискнет подпустить силовиков к главным закромам?

– А разве нас подпустили?

– Нет, но губешку мы уже раскатали. – Дмитрий криво улыбнулся. – И возмечтали уже о кренделях небесных.

– Короче, повелись.

– Верно.

Михаил немного помолчал.

– Ну, а что они могли бы нам предъявить? Скушать без серьезных оснований – вещь тоже непростая.

– Согласен. – Дмитрий покачал головой. – Но я знаю одно: рыбе, прежде чем ее выдергивают из воды, дают заглотнуть наживку.

– А мы заглотили?

– Нет, но вкус червячка уже почувствовали.

Шебукин нахмурился.

– Послушай... А этому твоему Семену можно верить?

– Он такой же мой, как и твой, но думаю, можно. Парень воевал, значит, и впрямь *нашей* косточки. – Дмитрий подумал. – Кроме того, он ведь и о своем будущем печется. Если гром грянет, ему тоже не поздоровится.

– Значит, что? Отваливаем в сторону?

Дмитрий покачал головой.

– Это всегда успеется. Для начала надо прощупать ситуацию. Копнем вглубь и вширь, а там видно будет...

– Ха-а!.. Я сделал тебя! Ты труп! Трупя-яра, в натуре!..

Оба обернулись на крик. Вопил какой-то подросток в наушниках. Взгляд его был прикован к светящемуся экрану, а костлявые, обтянутые джинсой колени так и приплясывали в азартном танце. Увлеченный игрой, он явно ничего не видел и не слышал. Еще один зомби из многих миллионов. Впрочем, к этому «зомби» уже спешил администратор...

– Спрашивается, чего мы так боялись водки с наркотиками? – задумчиво проговорил Шебукин.

– Ты мне еще про «СПИД» начни рассказывать. – Дмитрий тряхнул плечами. – Ладно, что там у тебя от Аркаши?

– Догадался, значит?

– Не дурней паровоза. Важно, чтобы другие не догадались.

– Думаю, сюда они еще не пролезли.

– Хочется надеяться...

В то время как Харитонов искоса озирает зал, Шебукин придвинул к себе клавиатуру, высветил на экране письмо.

– Читай, если грамотный. Только не вслух.

Дмитрий повернул голову. Послание от Аркадия оказалось недлинным.

*«Харитонову Дмитрию Александровичу
от компании «Техинвест-Арко»*

В ответ на заказанные вами комплекты лобовых (нетонированных) стекол марки «Хонда» вынуждены сообщить об отказе. По правилам серийных закупок, физическое лицо, впервые делающее подобный заказ, обязано внести на счет фирмы-поставщика взнос в размере не менее 30% от закупочной стоимости изделия. В данном случае, вы нарушили правило закупок, а потому наша с вами договоренность расторгается, и заказанный товар переправляется стоящим на очереди заказчикам (фирма «Генеша-Восток»).

Напоминаем, что в случае надлежащей оплаты предполагаемого заказа, договор автоматически обретает прежнюю силу.

Натальин Андрей Константинович «Ремонт Автотехники»,

*Наши региональные отделения: ВолгоДонск, Висбаден,
Алапаевск, Днепрпетровск, Ужгород, Самара,
Тамбов, Елец, Донецк, Уфа, Брянск, Екатеринбург, Новгород».*

– Балбес! – Дмитрий поневоле улыбнулся. – Во всяком случае, пришел в себя, если придуривается.

– Да, с Висбаденом он явно перемудрил. – Шебукин ревниво заерзал. – Значит, все разгадал?

– А что тут неясного? Все прозрачно, как в водочном пузырьке. «Арко» – это он сам, плюс некоторый намек на акростих. «Генеша-Восток» – это наш Генка с Дальнего Востока. А дальше... Дальше то самое краеистишие: Натальин Андрей Константинович «Ремонт Автотехники». Читай задом наперед по заглавные буквы – и получишь позывной.

– Верно... – Шебукин насуплено вздохнул. – А я, блин, минут пятнадцать мозгой скрипел, прежде чем сообразил.

– Потому-то конторой командую я, а не ты. – Харитонов хмыкнул.

– А на кой он Висбаден сюда приплел? Какое там, на хрен, региональное отделение?

– Видно, спешил. Не сумел быстро город на «В» вспомнить.

– А какой суд он имеет в виду?

– Суд? – Дмитрий подергал себя за кончик носа. – Суд, Мишенька, конечно, земной. От Божьего никто из нас не уйдет. Да ты не грузись, это он нас с тобой утешал. Никакого особого смысла тут нет. Просто не мог парень уйти по-английски. И про Генку он тоже не зря шепнул, испросил рекомендаций.

– Ну... – Шебукин озадаченно глядел на текст. – И что теперь?

– А теперь удали письмо, зайди в папку «Удаленные» и подчисти все там. Чтоб ни следочка не осталось.

Шебукин послушно защелкал клавишами.

– Ага... Кстати, тут на нашу времянку «спамов» десятка полтора просыпалось! Стереть?

– Вот их-то как раз оставь. И еще поработай в «Internet Explorer», скачай парочку сайтов.

– Каких?

– Да каких хочешь! Погоду, игрушки – неважно. Видел, как Аркаша мудрил, вот и ты давай. А я сейчас письмецо нашему Генке сочиню, подумаю потом, откуда лучше запульнуть.

– Глянь-ка! Такое подойдет?

Дмитрий взглянул на экран, озадаченно шевельнул бровями.

– Ну, ты даешь! Это что, порносайт?

– Да нет же, вполне пристойные картинки. Даже от детишек не закрывают. – Шебукин склонил голову набок. – А что? По-моему, телочки ничего.

– К твоему сведению, за такое «ничего» в цивилизованных странах дают срок.

– Если только в цивилизованных, то нам-то что бояться?

– Давай, давай! Поищи что-нибудь посерьезнее, шутник.

– Думаешь, кто-то постарается отследить нашу почту?

– Проще пареной репы. Уверен, офисный комп у них уже под контролем. Потому Аркадий и воспользовался запасным ящиком. Видно, тоже прокачал варианты... – Дмитрий вильнул взглядом влево-вправо. Обилие людей его нервировало. – Сюда, кстати, больше ни ногой. По крайней мере, в ближайшую неделю. И про Аркадия никому ни слова.

– Даже Лосеву с Зиминим?

– Даже им.

– А Генка?

– С Генкой Аркаша сам что-нибудь придумает, и я весточку подам. А более в ту сторону нам лучше не дышать. Для их же собственного блага.

– Понял, – Шебукин удрученно кивнул. – И долго мы будем так отсиживаться?

– А кто тебе сказал, что мы отсиживаемся? – Харитонов нахмурился. – Мы, Мишук, работать будем. В поте лица и судороге мышц. С этого самого часа и до полной победы.

– Аноним? – вздохнул Шебукин.

– Он самый. И сегодня же ты отправишься к нашим смежникам из «Рос-Ярда», дабы изложить кое-какие наметки. А потому слушай меня внимательно...

Глядя на экран отсутствующим взором, Харитонов неспешно начал знакомить собеседника с основными пунктами своего плана. Мишаня был парнем сметливым, и если не со второго, то с третьего раза запомнил все, не записывая.

Со своего места Харитонов поднялся первый.

– Пока поиграй и кофейку попей. Заодно глянь, не выйдет ли кто за мной из зала.

Шебукин кротко кивнул.

Пробираясь к выходу, Дмитрий вновь скользнул глазами по стенам, чуть задержался на очередном глубокомысленном изречении. Надпись гласила:

«Никто не в состоянии справиться с проблемами, атакуя их в лоб: нужно течь рядом с ними».

Ип Мэн (учитель Брюса Ли)

«Прямо про меня!» – поразился Дмитрий. Мимоходом подумал, что читать настенные надписи порой бывает полезно.

Выйдя на улицу, он вдохнул полной грудью. В конце концов, мир еще сиял всеми цветами радугами, земной шарик вращался, и далеко не во всех уголках планеты вспыхивали взрывы и резали глотки своим ближним. Как там ни ряди, но эту дуэль с Кнутом Аркадий пока выигрывал. И даже замаячившие на горизонте проблемы с казино следовало принимать философски, как ту же машину зеленой расцветки, что уже урчала мотором, ожидая его старта. Харитонов обеспокоился бы значительно больше, если б не обнаружил ее на прежнем месте. Но «кореец» стоял все там же, а значит, можно было смело продолжать прежние игры в «казаки-разбойники».

Глава 6

На отдалении хлопнул выстрел, и вверх снова взвились пичуги, оглушительно закаркало воронье. Били не в них, – в воробьев, но глотку они драли всерьез – вроде как переживали за своих пернатых собратьев. Кнут скосил глаза, – на этот раз Бессонов, кажется, попал. На земле трепыхался и подскакивал подранок. Отвернувшись, Кнут плотнее прижал трубку к уху, хотя, возможно особой нужды в этом и не было. Никакие выстрелы не сумели бы заглушить абонента. Дюша кричал, почти надрывался:

– Он в городе, зуб даю! Где-то поблизости обретается.

– Почему так думаешь?

– Ясно же! Трижды из одного места бабки берет. Мне Филя распечатку показывал! Все сходится. Банкомат на Стачек – это как раз на пересечении с Пермьковской.

– Много снимает?

– Да нет. Мы ж, в натуре, планку обозначили, Филю предупредили. Он в программу блокировку ввел. Теперь, короче, не больше пятака в сутки.

– И все равно снимает? – Кнут в сомнении покачал головой. – Что-то не похоже на нашего шустрика.

– Да он раны зализывает! Берлогу нашел и залег. С такой дыркой в груди больно не побежишь.

– А ты уверен насчет дыры?

– Еще бы! Мы ту лярву хорошо допросили, – она и донесла про огнестрел. Сказала, что без лежки не оклемается.

– Однако не лежитя песику!

– Так жаба душит. Чтоб на дно нырнуть, капуста нужна, вот и сосет, где можно. Я так прикидываю, момент самый подходящий! Эта босота, считай, у нас в кармане. Надо только побольше людей туда кинуть, и стволы реальные. Выставим нормальный догляд, дождемся щенка и возьмем за цугундер.

– Уверен, что он снова придет за бабками?

– До сих пор ведь приходил.

– Чего ж клювом шелкали?

– Так это... Не было уверенности насчет банкомата. Филя только сегодня распечатку принес. Опять же спугнуть боялись.

– Боялись они... Ладно, пришлю тебе пацанов Симы и Патрика.

– Маловато, босс. Да и какие там пацаны! Симаковские салом заплыли, а Патрик понты гнет, в цивильного играет. У него теперь все больше модели да кудрявчики на каблуках. Реальных бойцов, считай, нет. Вот если бы охрану с рынков снять...

– Не жирно ли?

– Но я же для всех стараюсь! Всего-то на денек, босс!

– Ох, чую, в блудняк меня втравливаешь.

Голосок Дюши в трубке вновь заскакал петушиным фальцетом:

– Кнут, ты ж меня знаешь, я под перо лягу, если надо, но этот парень бешенный. Ты его не видел, а я видел. Он – мастер, ты сам это признал!

– Если верить твоим словам, этот мастер раны сейчас зализывает.

– Раны не раны, но мало ли...

– Ладно, – Кнут поморщился, – если считаешь нужным, забирай пацанов с Южного. Заодно гвардейцев Вассо прихвати. Скажи, я распорядился.

– Вот за это спасибо! С Вассо мы его тепленьким спеленаем!

– Не кажи «гоп», ботало. Работай... – сунув трубку в карман, Кнут неспешным шагом двинулся обратно. Наверняка, хозяин что-то слышал, а значит, следовало продолжать доклад. Только доклады тогда и хороши, когда есть что докладывать. Кнуту докладывать было нечего.

Бессонов Василий Антонович покачивался в шезлонге из бука. Колени хозяина были накрыты пледом, на столике, что стоял справа от кресла, красовался загадочный натюрморт: плоская, похожая на мандолину бутылка с виски, краюха черного хлеба и пневматический «Вальтер». Лицо Бессонова было угрюмо и сосредоточено. Мерно покачиваясь, он отщипывал от краюхи куски, разминал в кулаке и бросал далеко перед собой. Хлопая крыльями, на хлеб налетали голуби с воробьями, толкались, отбирали друг у друга крошки. Сумрачный взгляд хозяина ни на секунду не отрывался от пернатых, – даже тогда, когда он отхлебывал из бутылки. После очередного глотка Бессонов неспешно поднимал «Вальтер», и мозаику парковой разноголосицы вспарывал сухой выстрел. Птицы взмывали в воздух, какое-то время кружили над поляной, но в итоге снова мало-помалу возвращались к месту кормления. «Естественный отбор» шел своим прежним ходом.

– Дюша звонил, – приблизившись к креслу, сообщил Кнут. – Уверяет, что может взять клиента в ближайшие часы.

– Разве он еще в городе?

– Дюша полагает, что да.

– А что полагаешь ты?

– Честно говоря, не знаю. – Кнут безучастно пронюхивал, как примешавшаяся к голубиной стайке ворона беззастенчиво выклеивает глаза у птичьего трупика. – Этот тип забрал банковскую карточку Евгения. У него их было с полдюжины, но пропала только одна – «Union Trade». Мы не сразу это поняли, но когда наш агент попытался заблокировать счета, то наткнулся на свеженький слив. Некто, а им мог быть только наш клиент, воспользовался банковским счетом Евгения и слил довольно приличную сумму.

– Сколько?

– Порядка восьмидесяти с лишним тысяч. Рублей, разумеется.

– Чепуха!

– Суть не в этом. Слив повторился еще несколько раз. Мы специально удержались от закрытия счета, – надеялись, на повторную поклевку.

– И он клюнул?

– Похоже на то. Дюша считает, что парень серьезно ранен. Потому и не смог слинять из города. Сегодня они попытаются его взять.

– Попытаются? – Бессонов впервые приподнял голову, и Кнут рассмотрел его холодный прищур.

– Я думаю, здесь что-то не так. – Признался начальник охраны. – Не знаю, что именно, но на месте беглеца я бы не крохоборничал.

– Моли Бога, что ты не на его месте. – Бессонов выстрелил, и, каркая, ворона заковыляла прочь, волоча за собой перебитое крыло. Хозяин выпустил ей вслед еще пару шариков, но ворона, припустив во всю прыть, скрылась между деревьев.

– Ничего, свои добьют... – Бессонов снова повернул голову. – Деньги ему в самом деле нужны. У него нет документов, он ранен.

– Все верно, но что-то с этими банкоматами не так. И насчет ранения я бы тоже не спешил делать окончательные выводы. Медсестра, что делала ему повязку, говорит о проникающем пулевом ранении, но...

– Что «но»?

– Согласитесь, человек с серьезным ранением не сумел бы вырваться из «Тигриса». Местный секьюрити утверждает, что парня пытались остановить с полдюжины охранников. Все спортсмены, качки, – в общем, не мальчики. Н этот лилипуп без труда проложил себе дорогу.

– Как он там оказался? И главное – зачем?

Кнут ядовито улыбнулся.

– Старая дружба. Некто Ящин Александр. Мелкий держатель акций, торгаш и воровайка. Пытался прикрыть друга.

– «Кандагар», Ящин... – Бессонов поморщился. – Не понимаю, к чему ты клонишь? Кто верит сегодня в дружбу?

– Ну, почему же... С Ящиным они познакомились в поросычем отрочестве, а в эти годы люди еще умеют дружить. Что касается «Кандагара»... – Кнут неопределенно пожал плечами. – Мы уже знаем, что Малышев служил в Афгане, участвовал в «боевых». А война – да еще на чужой территории, за чужие идеалы – штука пакостная. Если что и дает солдатику, то только товарищей.

– Тебе тоже дала?

– И мне. – Спокойно откликнулся Кнут. – Только у меня особая история, все мои товарищи там же и остались. С той войны я вернулся ни с чем.

– Поэтому, значит, и возненавидел военных?

– Не только их. Военные в том бардаке виновны менее всего. – Мимика Кнута ничуть не изменилась. – Но в первые месяцы, когда сороковую армию выпнули вон, я готов был на любой «броню» ехать штурмовать Кремль. Жаль, не нашлось сподвижников. А вот у этого клопика они, похоже, остались.

– Считаешь, с кем-то из «кандагаровцев» он успел повоевать?

– Больше чем уверен. Правда, пока не знаю имен...

– Почему?

– Не все так просто. Во-первых, многое утеряно и уничтожено, во-вторых, аспект секретности, в-третьих, прошло немало лет. – Кнут на мгновение задумался. – Слава Майский, конечно, накопает нужную информацию, но необходимо время... Что касается ранения, то тут тоже нет полной ясности. Его ведь и позже пытались задерживать. Я имею в виду милицейский патруль. Он сделал их, как котят.

– Менты могли напести с три короба.

– Да нет, двое из троих напротив хотели скрыть эпизод. С задержанием-то ничего не вышло, чем хвастаться? Настучал третий. Видимо, понадеялся, дурачок, на премию.

Бессонов нахмурился.

– Кстати, почему премия – всего полтинник? Жадничаешь?

Кнут покачал головой.

– Россия – страна лохотронов, и менты знают это лучше других. В большую премию могут и не поверить. А полтинник – это реально, без обмана. Можно, конечно, и к сотне подтянуть, но рыть землю все равно никто не будет. Такая уж это публика. И потом, я, конечно, извиняюсь, но мы для них чужаки. Вот если бы полоснуло кого из их рядов, тогда, может, и сработало бы чувство корпоративности.

– А если посулить миллион? И не рублей, а баксов?

– На такое клонут только генералы. Но искать-то все равно не им, так что толку не будет. Только ненужная шумиха.

Бессонов снова глотнул из бутылки, сумрачно посмотрел на возвращающихся к хлебу птиц.

– А почему не позволил Майскому поработать с тем сусликом?

– Уже наябедничали?

– Майор уверяет, что мог бы сломать парня.

– Обычно таких не ломают, а разламывают. – Кнут усмехнулся. – Напополам.

– У него была сыворотка правды, переносной полиграф...

– Не в этом дело, Василий Антонович. Парня размазали бы по стенкам впустую.

– Тебе его жаль?

– Нет.

– Тогда в чем же дело?

– Не хочется лишних терок с афганской братвой.

– С каких это пор тебя стали пугать терки?

– Меня ничто не пугает, вы это знаете. В данный момент я не хочу отвлекаться на постороннее. Эти парни наверняка взвились бы на дыбки. Один черт знает, на что они решатся, чтобы отомстить за коллегу.

– Опасаешься за свою охрану?

– Опасаюсь за *вашу* охрану. – С нажимом произнес Кнут. – Сейчас, за этими деревьями пасется около десятка бойцов. Пока этого вполне достаточно. Но если я затею войну с «Кандагаром» и не успею перебить всю их команду разом, число охранников придется утроить. Я, конечно, не думаю, что все они супермены вроде этого Малышева, но... Я уже докладывал о беседе с их начальником, да и после расспрашивал кое-кого из знающих «Кандагар» людей, а потому пришел к выводу...

– Какому еще, черт подери, выводу!

– Такому, что лучше и разумнее сохранять с ними нейтралитет. Тем более, что о Малышеве они, скорее всего, ничего не знают.

– Помнится, тот тип нес Малышеву документы!

– Все верно, да только в квартирке было пусто! И в машине почтальона мы ничего не обнаружили. – Кнут перевел дух. – Думаю, они работали вслепую без какой-либо четкой договоренности. А вот Малышев как раз предвидел подобный исход и на адресок решил попросту не являться.

– Поэтому ты и не веришь в засаду у банкомата?

– Поэтому и не верю. Очень уж стреляный воробей. Во всяком случае, воевать он умеет. И не только воевать... – Кнут на секунду смешался. – Мы скачали базы данных из компьютера «Кандагара», копнули в армейских архивах, и кое-что Майскому удалось уже откопать, но информация крайне мутная, не дублированная. Много такого, что стоит еще проверить. Но если интересно, могу доложить...

Он умолк, однако и Бессонов не нарушал тишины. Тоже, в общем-то, показательно. Еще пару дней назад хозяин попросту послал бы Кнута подальше – со всей его информацией о Малышеве. Даже фамилию убийцы сына он до недавнего времени не знал и не желал знать. Но это было сначала, и за минувшее несколько суток кое-что изменилось. Беглеца по-прежнему не могли взять, а в окаменевшем от гнева олигархе мало-помалу просыпался профессиональный охотник. А потому, не дождавшись ответа, Кнут снова заговорил:

– Пока информации недостаточно, но уже сегодня мы знаем, что Малышев служил в войсках специального назначения и проходил курсы диверсантов. Добавьте к этому его владение восточными единоборствами, опыт плена, и становится ясно, почему ему удается так долго бегать от нас.

– Что насчет зоны?

– Именно этот период сейчас изучает особый отдел. Без запросов в регионы в таком деле не обойтись, а это быстро не сделаешь. Пока известно, что уже в госпитале, после плена, парень убил советского офицера. За это и получил срок. Довольно солидный – пятнадцать лет. Отсидел все сполна и освобожден относительно недавно. Наверняка там имеется масса занятых подробностей, но одна из них известна уже сейчас... Славе удалось наткнуться на историю болезни этого парня.

– У него что, не все дома?

– Не совсем так. Во всяком случае, ненормальность его носит иной характер... – Кнут снова запнулся. – Майский считает, что этот парень, действительно, особенный. Дело в том, что согласно медицинским заключениям Малышев – гиперкинетик.

– Что?

И снова Кнут пожалел о том, что затронул скользкую тему. С этого самого места началась полная ахиня и мистика, о чем, вероятно, не стоило и заикаться.

– Я не специалист, но, по словам Майского, гиперкинезия – это серьезное заболевание. Обычно проявляется, как последствие головных травм. Сами же гиперкинетики – это люди с ускоренным течением времени.

– Что, что?

Кнут снова пожал плечами.

– Именно такая трактовка встретилась нам в словаре. У гиперкинетиков все протекает быстрее – метаболизм, скорость передвижения, отдых. Чаще это встречается у детей, у взрослых – крайне редко. С чем связан подобный феномен, медицине пока неизвестно. Какая-то серьезная патология мозга. У Малышева это, судя по всему, связано с детской травмой. Давний электрошок. Это тоже всего лишь предположение, но если принять версию гиперкинезии, то многое встает на свои места. Во всяком случае, становятся объяснимы его скоростные качества и умение биться. Специалист, с которым беседовал Майский, допускает, что в связи с этой чертовой гиперкинезией, рана Малышева может подвергнуться ремиссии значительно быстрее.

Бессонов приподнял голову, и Кнут поспешил свернуть со скользкой тропки:

– Тем не менее, мы продолжаем следить за его коллегами, обшариваем десятки адресов, беседуем с людьми. Может, он и особенный, но однажды мы его все равно возьмем...

Птичья стая вновь плотно облепила хлебное место, среди голубиных хвостов замелькала и парочка ворон. Город смешал несмешиваемое, и отступающая природа молчаливо признавала собственное фиаско.

– Дай мне ствол. – Не спуская прищуренного взора с птиц, Бессонов протянул руку ладонью вверх.

Кнут непонимающе дернулся было к столу, но Бессонов нетерпеливо распахнул пальцы.

– Я говорю о настоящем стволе! У тебя всегда с собой, я знаю.

– Мы в черте города, – напомнил Кнут, однако «Стечкин» из кобуры все же вынул. Ясно было, что на «черту города» Бессонову глубоко плевать. Тяжелый пистолет перекочевал из одной руки в другую.

– Патрон в патроннике, только снять с предохранителя. – Предупредил Кнут. – После пневматики отдача будет сильной.

Бессонов, казалось, не услышал его. Продолжая глядеть на галдящую стайку, хищно передернул затвор, услав вертлявый патрон в траву. А в следующий миг, переключив флажок на автоматический огонь, хозяин обхватил рукоять двумя руками и ударил одной длинной очередью по птицам. Грохот всколыхнул воздух, и боковым зрением Кнут заметил, как из-за деревьев обеспокоено выскользнула плечистая тень. Наверняка, Анжело. Да и другие охранники переполошатся. Ну, да им не привыкать. Хозяин на то и хозяин, чтобы чудить и безобразничать.

«Стечкин» клацнул в последний раз, затвор замер, из ствола потянулась струйка дыма. Бессонов порывисто откинулся на спинку кресла, и Кнуту показалось, что в глазах его мелькнули искорки удовлетворения. Переведя взор на поляну, начальник охраны разглядел изрытую пулями землю и разбросанные тут и там окровавленные птичьи ошметки. Пистолетные пули не просто убивали, – они рвали птиц в клочья. В воздухе вились перья, и ни одной живой птахи поблизости видно не было.

– Держи, – хозяин вяло протянул пистолет. – И проваливай!

Кнут не стал спорить, не стал и обижаться. Успокаивающе качнув головой замершему на дорожке Анжело, глазами указал в сторону покачивающегося в шезлонге хозяина. Анжело понимающе кивнул, снова скрылся за деревьями.

Сам же Кнут, отойдя на приличную дистанцию, снова достал сотовый телефон. Стараясь говорить тихо, поинтересовался:

– Что там у тебя, Дюша?

Помощник откликнулся мгновенно:

– Пока без изменений. Но ребяток уже обзвонил, – в течение часа все подъедут. Оцепим район, обговорим деталюшки...

– Все ясно, значит, пока не пришел... – Кнут подумал. – Ладно, а что с твоим Ящиным?

– С Ящиным? Да ничего. Я с ним лично базарил. Орешек твердый, но колонулся на бабе. Я ведь их вместе в кандей засадил.

– Зачем?

– Майский посоветовал. Он ведь тоже там был...

– Понятно. Ну, и что Ящин?

– Ничего. Сначала юлил, а потом рассказал все подробненько...

– Я спрашиваю, где он сейчас?

– Так это... Все там же. Вы же ничего не говорили. Я думал, пригодятся еще.

– На кой они нам?

– Тогда что же?... – по голосу было ясно, что Дюша растерялся. – В расход, что ли пускать?

– Кретин! Пострадай немного и выпни на все четыре. А сторожей к делу пристраивай. –

Кнут выругался. – Еще на нехватку людей жалуешься!

– Да я вроде ничего такого...

– Все, разговор окончен! И попробуй только упусти мне сегодня Малышева, сам в кандей загремишь!

Не слушая больше лепет Дюши, он выключил мобильник, невидящим взором уставился в пространство. Кровь клокотала в висках, хотелось стиснуть чье-нибудь горло. Стиснуть по-настоящему – до хруста хрящей и шейных позвонков. На сердце было холодно и мерзко. Может, потому, что в оптимизм Дюши Кнут совершенно не верил. Чутье повидавшего виды хищника подсказывало, что халявы больше не будет и нынешний их противник уже далеко. Настолько далеко, что даже длинным рукам Бессонова будет до него не дотянуться.

Глава 7

Чем-то это ранение напоминало то первое, когда еще необстрелянным воинством они перли по каменистому склону, а дувалы огрызались пулеметным огнем, из утлых домишек разом превратившись в долговременные огневые точки. Район Южного Саланга, в первые годы войны, считавшийся мирным, претерпел жутковатую трансформацию. Вместо допотопных кремневок здесь появились китайские «калаши» и американские винтовки, а на пулеметные очереди десанта душманы запросто могли ответить залпом из нескольких РПГ, а то и шквальным огнем трофейных ДШК. Увы, разведка работала не лучшим образом, число опавшихся душманов оказалось раз в «цать» больше, и подошедшая часть афганского царандоя попросту залегла под пулевым ливнем, сросшись с землей и напрочь отказываясь вставать. Свои же два горнострелковых взвода угодили в патовую ситуацию, когда без артиллерии и помощи с воздуха можно было из роли атакующих вот-вот угодить в роль атакуемых. Впрочем, никто не собирался их атаковать, – из дальнобойных винтовок с оптикой душманы методично и точно выщелкивали неприкрытые солдатские тела, превращая одни из них в трупы, другие – в катающихся по камням калек. Конечно, можно было подождать, когда прилетит, наконец, стайка «грачей», забросав мятежный кишлак бомбами и «эрэсами», но к тому времени могло случиться и так, что спасти будет уже некого. Короче говоря, солдатиков надо было срочно поддержать, и в ход кинули то, что оказалось в тот момент под рукой. А «под рукой» оказались они – отряд свежейиспеченных диверсантов, подготавливаемых совсем для иных целей и иных боев. Тем не менее, человек предполагает, а война располагает, и, не тратя времени на препирательства, их спешно сбросили с двух вертушек все на тот же склон – фактически под огонь противника.

Увы, помимо пулеметов у душманов нашлись минометы, и потому героический порыв принес мало толку. Как и в прочей жизни, в Афгане действовало железное правило: «кто выше, тот и прав», – кишлак, в котором окопались душманы, занимал господствующее положение над всем плоскогорьем. Конечно, могли бы помочь вертушки, но стремительная гибель одного из «шмелей» подтвердила очередной промах разведки: помимо всего прочего, у противника имелась и грозная новинка того времени, а именно комплексы «стингер».

Таким образом, угодив под снайперские пули и шквальный огонь пулеметов, ребята могли разве что попытаться в броске выйти из-под прицела, вместо пулевой дуэли навязав противнику жесткую рукопашку. Наверное, у них могло бы получиться, поддержи их прикипевшие к земной тверди бойцы царандоя, но с помощью не получилось и «армия Кабула» так и не подняла головы. В итоге мясорубка превратилась в бойню, и группа Аркана полегла полным составом. Лишь четверых – тяжело и легко раненных – судьба приберегла для дальнейших мытарств. Угодил в число «счастливчиков» и Аркан. Во всяком случае, он даже не успел удивиться тому, что война для него уже завершилась. Одним мановением полыхнувший вблизи взрыв переместил его на госпитальную койку крохотного городка Пяндж.

Именно эту двухэтажную, с облупившимися стенами больничку он припомнил сейчас, наблюдая за тем, как аккуратно и бережно молоденькая стюардесса поправляет свесившуюся в проход руку задремавшего пассажира. Точно также поправляла у них одеяла и подушки медсестра Мила, красивая светловолосая девушка, угодившая на фронт только потому, что туда же послали ее жениха, молоденького «послеинститутского» лейтенанта. Опыт военной кафедры жениху не помог, – лейтенант даже не дотянул до первой своей боевой операции. Он погиб не в бою, а где-то в безмянных горах – и даже не в горах, а в воздухе, превратившись вместе с подбитым «Ми-8» в огненный, вскипающий плазменными пузырями шар. В итоге невеста так и осталась невестой, даже не успев вкусить радостей семейной жизни. По идее, ей надо было уезжать на «материк», но, насмотревшись на госпитальные ужасы и наслушавшись все-

возможных историй, обратно в Россию девушка почему-то не вернулась. Возможно, в каждом раненном ей мерещился теперь ее несостоявшийся супруг. Она стала медсестрой и, помогая больным, вроде как отдавала часть недодаренных ласк покойному лейтенанту. Без сомнения, она стала бы замечательной женой и заботливой матерью. Во всяком случае, те, кто знали ее историю и видели потом в госпитале, поневоле завидовали погибшему лейтенанту. Он был мертв, но она-то жила не с ними, а с ним. И само собой выходило так, что никто не пытался приблизиться к ней на дистанцию пошловатого интима. За ней ухаживали истинно по-рыцарски – не прося ничего взамен, не поминая о брачных узах. Это было любовью без мук и ревности. Девушку звали Людмила, но солдатики именовали ее Мила, те, кто посмелее, легко доразщивали имя до «милой», но ни одна лихая душа не позволяла себе большего. Ничего такого не позволял себе и он.

В те времена Аркан не мог бы назвать себя смелым, но, глядя на Милу, он странным образом загадывал о том, о чем нельзя и не положено думать. Уже тогда он решил, что когда-нибудь непременно вернется в госпиталь. Хотя бы для того, чтобы снова ощутить прикосновения медсестры, услышать ее голос. И вышло так, что он накаркал. Все получилось так, как он того *хотел*. Уже через семь с небольшим месяцев его, истощенного и исполосованного осколками, вновь привезли в Пяндж и уложили на больничную койку. Он мог бы попасть в Кабульский госпиталь или напрямиком в Душанбе, но, видимо, давнее его пожелание было кем-то услышано. Он вновь встретился с Милой – и не просто встретился, а поговорил. Их разговор состоялся в наркотическом бреде – прямо во время операции, когда вместо наркоза сердобольный врач влил ему лошадиную дозу ЛСД. Глядя на усохшее тельце солдата, доктор просто решил подстраховаться и в итоге подарил возможность Аркадию высказать ассистентке все, чего не говорили ей уже давным-давно. ЛСД – не сыворотка правды, но опытные врачи знают, как под воздействием этого «болеутоляющего» даже хмурые молчуны начинают выбалтывать самое сокровенное. Один из таких секретов выболтал и Аркадий – а именно о своем отношении к Миле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.